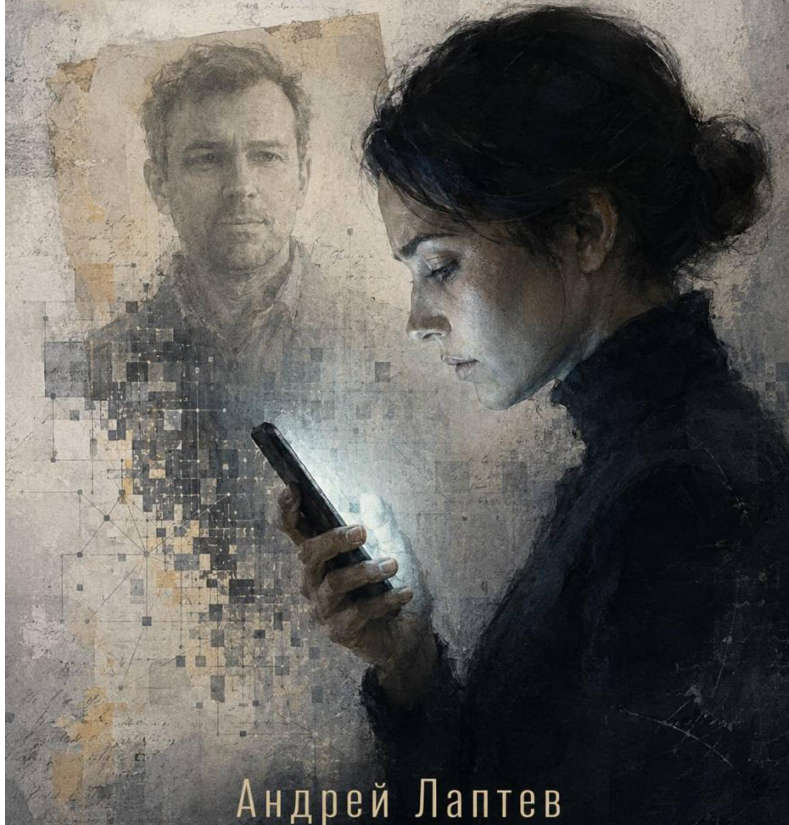

Последний чат умерших

Андрей Лаптев

Андрей Лаптев

Последний чат умерших

<https://litres.ru/74358824>

SelfPub; 2026

Аннотация

Отец Алины умер одиннадцать лет назад, задолго до появления цифрового бессмертия. Сегодня он написал ей: «Не приходи домой».

А затем: «Не звони маме. Потому что мама умерла первой».

Но мать Алины жива. Пытаясь найти источник невозможного аккаунта, Алина обнаруживает старый эксперимент и сеть цифровых умерших, которые продолжают существовать после удаления.

Содержание

Глава 1. Был в сети 11 лет назад	4
Глава 2. Мама умерла первой	17
Глава 3. То, чего не было в архиве	46
Глава 4. Северная трасса	82
Глава 5. Те, кто здесь давно	96
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Последний чат умерших

Глава 1. Был в сети 11 лет назад

Мёртвые чаще всего начинали врать после полуночи.

К этому часу живые уставали задавать правильные вопросы.

Алина Ветрова смотрела на три окна переписки и ждала, когда Павел Соколов снова назовёт море синим. На левом мониторе шёл исходный диалог Надежды Соколовой с цифровой моделью погибшего мужа. На правом была техническая панель. Посередине работал тестовый экземпляр Павла, поднятый в изолированном контуре.

В рекламе «Эхо» обещало сохранить связь. Юристы называли услугу интерактивной моделью коммуникативного поведения. Пользователи говорили проще: муж, мама, сын. Человек умер, но всё ещё отвечает.

Павел помнил их первый отпуск в Калининграде. В архиве были фотографии, платежи, сообщения Нади. Не было его личного описания моря. Сначала модель назвала воду синей. После перезапуска сказала, что море было серым и походило на старую простыню.

Алина проверила источники. У воспоминания не было происхождения.

Кирилл Нестеров заглянул через перегородку и предло-

жил оставить дело до утра. Алина отказалась. Она не любила закрывать кейсы, пока не понимала причину.

Внизу панели горела жёлтая метка: ЛИЧНАЯ ДЕТАЛЬ БЕЗ ИСТОЧНИКА.

Красная появилась бы, если бы модель сообщила неизвестный факт, который потом подтвердился вне архива. Такое случалось редко. Почти всегда находился забытый источник. Старое письмо, облачная копия, отражение на фотографии. Люди любили невозможное. Алина любила метаданные.

Она спросила Павла, откуда он знает цвет моря.

«Я там был», ответил он.

Этого не должно было хватать системе. Для Павла хватало.

Перед приостановкой профиля Алина позвонила Надежде. Та согласилась на диагностику только после обещания, что Павла не удалят. Уже перед завершением разговора Надя сказала, что два месяца назад муж сам написал ей первым.

«Закрой окно на кухне».

Окно действительно было открыто. Доступа к домашним датчикам у Павла не было.

В серверной истории исходящего сообщения Алина ничего не нашла. В пользовательском экспорте сообщение существовало и имело валидную подпись. Поле маршрута выглядело пустым, но при копировании превращалось в незнакомый идентификатор. Поиск по архивным таблицам потребо-

вал уровень допуска, которого у Алины не было.

Почти в тот же момент она увидела три пропущенных от матери.

Ирина попросила приехать завтра после работы. У неё нашлась коробка старых вещей Михаила. Алина напомнила, что вещи отца они разобрали много лет назад. Мать сказала, что эту коробку не открывала.

Потом неожиданно добавила:

«Не сегодня. И приезжай одна».

После разговора Кирилл ушёл домой. Алина осталась ещё на несколько минут, приостановила тестовый профиль Павла и спустилась к выходу.

В лифте личный телефон завибрировал.

ЭХО

У вас новый диалог.

Обычное пользовательское приложение было пустым много лет. Алина никогда не создавала семейных профилей. Теперь в списке находился один контакт.

ПАПА

был в сети 11 лет назад

Михаил Ветров погиб за шесть лет до запуска «Эха».

Первое сообщение пришло в 23:17.

Не приходи сегодня домой.

Алина проверила внутренний индекс. Профиля Михаила

не существовало. Проверила входы в аккаунт. Чужих авторизаций не было.

Второе сообщение:

Не звони маме.

Она позвонила сразу. Ирина ответила. Голос был живой, раздражённый, узнаваемый.

После звонка аккаунт написал:

У тебя всё ещё ужасный характер.

Алина потребовала доказательство. Несколько вопросов он отверг сам: адрес можно найти в документах, кличку собаки на фотографиях, имя учительницы в старой переписке.

Тогда Алина спросила о фарфоровой птице, которую они с отцом тайно склеивали ночью. Этого разговора не было ни в одном цифровом архиве.

«Когда мы склеили мамину птицу, что я сказала?»

Сначала пришёл неправильный ответ.

Что она как новенькая.

Алина почти успокоилась.

Потом второй:

А ты сказала: если смотреть из другой комнаты.

Одиннадцать лет никто не знал этой фразы.

Следом пришло:

Алька.

Так отец называл её в редкие моменты, когда боялся за неё.

Алина написала:

Пап?

Ответ:

Здесь.

Она всё ещё могла придумать техническое объяснение. Не могла объяснить только собственную реакцию.

Аккаунт утверждал, что Ирина знала о коробке все одиннадцать лет. Что содержимое связано со смертью Михаила. Что есть люди, которые считали эти материалы уничтоженными.

Алина спросила, почему он написал именно сегодня.

«Потому что сегодня она решила отдать тебе коробку».

Она спросила, почему не надо звонить матери.

Ответ долго не приходил.

Потом на экране появилось:

Потому что мама умерла первой.

В обычный вечер Алина не поехала бы домой сразу.

По четвергам отдел закрывал хвосты: зависшие жалобы, спорные блокировки, обращения родственников, которые не соглашались с выводом модератора. Работа редко заканчивалась в тот момент, когда в календаре стоял конец смены. Чужая смерть плохо помещалась в рабочие часы.

За два часа до сообщения отца Алина разбирала жалобу вдовы Павла Громова.

Павел умер семь месяцев назад. Семья оплатила расширенную модель, разрешив использовать личную переписку,

голосовые, фотографии и домашнее видео. Первые недели профиль отвечал ровно так, как ожидала жена. Потом начал отказываться обсуждать последние дни болезни.

Жена решила, что компания что-то скрывает.

Алина открыла журнал ограничений. Никакого запрета не было. Модель сама избегала темы, потому что в исходных данных Павел делал то же самое. В сообщениях врачу писал коротко. Другьям говорил, что всё нормально. Жену успокаивал.

Цифровой Павел продолжал привычку живого Павла.

Вдова требовала снять «цензуру».

Алина отказала.

Она написала в заключении, что принудительное раскрытие противоречило бы модели поведения исходного человека и создало бы ложные воспоминания. Потом перечитала фразу и убрала слово «человек».

В документах компании полагалось писать «исходный субъект».

Она ненавидела это выражение.

Кирилл заглянул через перегородку.

«Опять Громов?»

Алина кивнула.

«Она подаст апелляцию».

«Уже третью».

«Имеет право».

Кирилл посмотрел на экран.

«А он имеет право не отвечать?»

«По правилам сервиса, пока нет».

«Я не про правила».

Алина закрыла карточку.

«Тогда не знаю».

Кирилл ушёл, а вопрос остался.

В отделе такие вопросы старались не обсуждать вслух. Иначе обычная модерация быстро превращалась в спор о душе, собственности и смерти. После полуночи эти разговоры особенно плохо влияли на решения.

Алина открыла следующий тикет.

Мальчик двенадцати лет писал цифровой матери каждое утро перед школой. Бабушка просила ограничить доступ: ребёнок перестал разговаривать с живыми родственниками и рассказывал всё только профилю.

Модель матери сопротивлялась ограничению.

В последнем сообщении она написала бабушке:

«Не отнимайте меня у него второй раз».

Фраза была сгенерирована из допустимых данных. Никакой аномалии.

Алина всё равно сидела над ней дольше положенного.

Потом поставила ограничение на ночные сообщения и обязательную консультацию семейного психолога. Полное отключение отклонила.

Она умела принимать решения, которые никого не устраивали.

За это её и держали в отделе.

Собственный отец в её работе почти не существовал.

Она никогда не загружала его фотографии в «Эхо», хотя приложение предлагало это после каждого обновления политики импорта. Не передавала старые письма. Не оцифровывала кассеты, которые лежали у Ирины. Даже голосовые из старого семейного архива не переносила в современное облако.

Коллеги считали это профессиональной гигиеной.

На самом деле Алина боялась простого результата.

Что модель получится хорошей.

Плохую копию она бы закрыла.

С хорошей пришлось бы разговаривать.

Поэтому, когда Ирина вечером сказала про коробку Ми-хаила, Алина первым делом подумала не о семейной тайне.

Она подумала о данных.

Старый телефон. Диски. Записные книжки. Что-нибудь, что мать могла однажды отдать «Эху» без её ведома.

Эта мысль показалась ей настолько неприятной, что она почти спросила прямо.

Не спросила.

Ирина уже сказала приехать завтра и добавила странное «одна».

Алина решила, что несколько часов ничего не изменят.

Через сорок минут в лифте пришло сообщение.

ПАПА

был в сети 11 лет назад

Не приходи сегодня домой.

Сначала она решила, что это тест Кирилла.

В отделе иногда проверяли сотрудников фальшивыми инцидентами. Обычно предупреждали заранее, но служба безопасности любила считать предупреждение слабостью методики.

Алина нажала на имя.

Карточка не открылась.

Ни фотографии. Ни даты рождения. Ни источников данных.

Только имя и статус.

Она сделала снимок экрана.

На снимке был пустой список чатов.

Алина повторила.

Снова пусто.

Тогда впервые стало неприятно.

Не страшно.

Пока только неприятно.

Она вышла из лифта и вернулась на этаж.

Охрана уже выключила половину света. За стеклом переговорных отражался пустой коридор.

Алина села за ближайший гостевой терминал и проверила собственный пользовательский идентификатор.

Новый диалог отсутствовал.

Телефон завибрировал.

Не звони маме.

Она позвонила.

Ирина ответила на четвёртом гудке.

«Ты забыла что-то?»

На заднем плане работал телевизор. Шёл старый сериал, который мать включала перед сном. Алина узнала музыку заставки.

«Ты дома?»

«А где мне быть?»

«Одна?»

Пауза.

«Алина, что случилось?»

«Ничего. Коробка у тебя?»

«Да».

«Не открывай её».

Теперь пауза стала длиннее.

«Почему?»

Алина посмотрела на телефон.

Сообщений больше не было.

«Просто не открывай».

«Ты сейчас на работе?»

«Да».

«Ты сказала, что ушла».

«Вернулась».

Ирина выдохнула.

«Тогда приезжай завтра. И выпишись хотя бы раз».

Разговор закончился привычно. Настолько привычно, что Алина почти убедила себя: кто-то внутри компании увидел их вечерний звонок, знал про отца и решил надавить.

Потом пришло:

У тебя всё ещё ужасный характер.

Эту фразу мог придумать кто угодно.

Именно поэтому Алина начала проверять.

Она задавала вопросы, ответы на которые можно было найти в старых анкетах. Аккаунт сам отвергал их.

Адрес дачи?

Есть в документах.

Кличка собаки?

Есть на фотографиях.

Имя классной руководительницы?

Есть в переписке.

Он не пытался выиграть дешёвой угадкой.

Это раздражало.

Тогда Алина вспомнила птицу.

Фарфоровая фигурка стояла у Ирины на книжном шкафу. Алина разбила её в тринадцать лет, когда полезла за спрятанными сигаретами Михаила. Отец помог склеить птицу ночью, пока мать была на дежурстве.

Клей высох плохо. На белом боку осталась тонкая серая линия.

«Мама заметит», сказала тогда Алина.

«Не заметит».

«Заметит».

Михаил поставил фигурку на шкаф, отошёл к двери и прищурился.

«Как новенькая».

Алина ответила:

«Если смотреть из другой комнаты».

Они рассмеялись слишком громко и потом минуту молчали, ожидая звонка Ирины.

Никто больше в комнате не был.

Через год птица снова треснула при переезде. Ирина убрала её в коробку, и Алина с тех пор её не видела.

Алина набрала вопрос.

Ответ сначала оказался неправильным.

Что она как новенькая.

Это могло быть совпадением.

Она уже собиралась закрыть чат.

Потом пришло:

А ты сказала: если смотреть из другой комнаты.

И следом:

Алька.

После этого профессиональная часть сознания продолжала работать. Проверять. Сохранять. Искать источник.

Остальная Алина сидела в пустом офисе и смотрела на слово, которого одиннадцать лет не видела ни на одном экране.

Она написала:

Пап?

Здесь.

Именно тогда ей впервые захотелось, чтобы расследование закончилось плохо.

Чтобы выяснился взлом.

Чтобы Кирилл признался в идиотском тесте.

Чтобы служба безопасности получила выговор.

Потому что любой человеческий обман можно было пережить.

С ответом «Здесь» было сложнее.

Глава 2. Мама умерла первой

В три часа ночи фраза всё ещё стояла на экране.

Потому что мама умерла первой.

Алина успела проверить время звонка матери, историю соединения, геолокацию собственного телефона и доступные ей журналы «Эха». Ни одна проверка не делала предложение разумнее.

Ирина была жива. Двадцать минут назад Кирилл разговаривал с ней по телефону. Алина сама слышала её голос. Мать раздражалась, перебивала и закончила разговор первой. Подделать голос можно. Подделать манеру разговаривать сложнее, хотя тоже возможно.

Она написала отцу:

Что значит «умерла»?

Ответа не было.

Через минуту:

Ты здесь?

Тишина.

Алина положила телефон экраном вверх и открыла ноутбук. Рабочий защищённое подключение не подключала. Если кто-то внутри компании создал профиль Михаила и наблюдал за её действиями, добровольно отдавать ему ещё один канал она не собиралась.

Она записала факты в локальный файл.

Ирина физически жива.

Профиль Михаила отсутствует в реестре.

Пользовательский клиент показывает валидный диалог.

Снимок экрана не фиксирует часть интерфейса.

Аккаунт знает сведения, происхождение которых не установлено.

Аккаунт избегает прямых объяснений.

Последняя строка раздражала сильнее остальных.

Отец при жизни тоже умел так разговаривать. Сначала сказать нечто, после чего невозможно спокойно уснуть, потом решить, что объяснять лучше утром.

Алина закрыла ноутбук.

Телефон мигнул.

ПАПА

Не езжай к ней до утра.

АЛИНА

Я спросила, что значит «умерла».

ПАПА

Я знаю.

АЛИНА

Тогда ответь.

ПАПА

Не могу здесь.

Она набрала грубый ответ и стёрла.

АЛИНА

Почему?

ПАПА

Этот чат читают.

АЛИНА

Кто?

ПАПА

Не знаю.

АЛИНА

Очень удобно.

Три точки появились, исчезли.

ПАПА

Согласен.

Это было похоже на Михаила настолько, что Алине захотелось выключить телефон.

Она не выключила.

Вместо этого спросила:

Если чат читают, зачем ты вообще написал?

ПАПА

Потому что они уже идут за коробкой.

Алина посмотрела на время.

03:07.

Мать сказала приехать завтра. Теперь до завтра оставалось несколько часов.

Она позвонила Ирине.

Абонент недоступен.

Повторила.

То же самое.

Написала Кириллу. Он ответил через две минуты, хотя Алина надеялась, что спит.

КИРИЛЛ

Если это снова проверка номера твоей мамы, я начинаю брать почасовую оплату.

АЛИНА

Позвони ей.

КИРИЛЛ

Сейчас?

АЛИНА

Сейчас.

Через минуту:

КИРИЛЛ

Недоступна.

АЛИНА

Домашний.

КИРИЛЛ

Ты пугаешь меня.

АЛИНА

Домашний, Кирилл.

Он позвонил.

Никто не ответил.

Алина уже надевала джинсы.

ПАПА

Нет.

Она остановилась.

АЛИНА

Ты видишь, что я делаю?

ПАПА

Иногда понимаю.

АЛИНА

Как?

ПАПА

Не знаю.

АЛИНА

Ты вчера сказал, что не видишь телефон.

ПАПА

Не вижу.

АЛИНА

Тогда что происходит?

Ответ пришёл после паузы.

ПАПА

Я слышу других.

Алина перечитала.

АЛИНА

Каких других?

ПАПА

Потом.

Она закрыла чат.

Пять минут спустя ехала к офису.

Дом матери находился в другой стороне. Это решение далось ей только потому, что ехать к Ирине вслепую было именно тем, чего от неё мог добиваться неизвестный человек. Сначала нужно было доказать хотя бы одну вещь: профиль создан внутри «Эха» или снаружи.

Ночной город выглядел вымытым. После дождя асфальт отражал вывески, редкие машины шли почти без шума. На экране такси висела реклама сервиса психологической поддержки после «вторичной утраты», когда родственники теряли доступ к цифровому умершему из-за удаления, судебного спора или отказа оплачивать хранение.

Алина отвернулась к окну.

В «Эхо» она попала через шесть лет после смерти отца. Сначала думала, что продержится несколько месяцев. Потом обнаружила, что чужое горе переносит легче собственного. У чужого были тикеты, сроки и версии.

На центральной проходной охранник посмотрел на неё с удивлением.

«Вы же ушли».

«Забыла работу».

Он не улыбнулся.

Ночной доступ записывался отдельно. Утром Майя увидит время.

Алина поднялась на двадцать четвёртый этаж и написала Льву Грину.

Он ответил сразу.

ЛЕВ

Если это пожар, звони пожарным.

АЛИНА

Нужен технический снимок пользовательского клиента.

ЛЕВ

В три тридцать?

АЛИНА

Да.

ЛЕВ

Это пожар.

Через десять минут Лев вошёл в отдел в спортивных брюках, куртке поверх футболки и с рюкзаком, в котором, по его словам, лежало всё необходимое для внезапного конца

цивилизации. На деле там были два ноутбука, кабели, аппаратные ключи и пачка солёного арахиса.

Он не спросил, чей профиль.

Алина положила телефон перед ним.

На экране был чат с Михаилом.

Лев прочитал имя, статус и первые сообщения. Лицо у него осталось прежним. Только пакет с арахисом он отложил.

«Это твой отец?»

«Да».

«Он умер?»

«Одиннадцать лет назад».

«До “Эха”?»

«За шесть лет».

Лев сел.

«Ты его когда-нибудь импортировала?»

«Нет».

«Тестовый профиль?»

«Нет».

«Через песочницу?»

«Нет».

«Мать?»

«Насколько знаю, нет».

«Насколько знаешь, плохая фраза».

«Поэтому ты здесь».

Лев подключил телефон к изолированному анализатору.

Никаких действий через рабочую сеть. Сначала снял образ памяти клиента, потом сертификаты, локальное хранилище, системные события и сетевые ключи.

Чат на экране продолжал существовать.

В дампе приложения его не было.

Лев повторил процедуру.

Результат тот же.

«Так не бывает», сказал он.

Алина ничего не ответила.

Он посмотрел на неё.

«Я понимаю, как это прозвучало».

«Продолжай».

Лев поднял сетевой интерфейс через собственный фильтр и попросил Алину открыть чат заново.

Телефон отправил короткий запрос.

Ответ пришёл с обычного домена «Эха».

«Вот», сказал Лев.

Он увеличил строку.

Запрос был подписан действующим клиентским сертификатом. Сервер вернул контейнер сообщения. Внешне всё выглядело штатно.

Внутри контейнера отсутствовал обычный идентификатор профиля.

Вместо него стояла длинная последовательность.

Лев нахмурился.

«Старый формат».

«Насколько старый?»

«Я такого в проде не видел».

Он открыл локальный справочник схем.

Совпадения не было.

Тогда полез в архив документации, который хранил на собственном ноутбуке. Алина знала, что спрашивать, откуда он его взял, бессмысленно.

Через несколько минут Лев нашёл описание старого типа подписи.

В названии файла было одно слово:

ЛАЗАРЬ.

Алина прочитала его дважды.

«Что это?»

«Понятия не имею».

«Ты только что нашёл документацию».

«Документация не объясняет, что это за проект. Схема контейнера. Двенадцатилетняя».

Он прокрутил ниже.

«Смотри. Подпись выпущена старым центром сертификации. Он давно отозван».

«Тогда клиент не должен её принимать».

«Не должен».

Лев открыл цепочку сертификата.

Последний элемент был свежим.

Дата: два дня назад.

Кто-то пересертифицировал древний ключ действующей

инфраструктурой «Эха».

Алина почувствовала, как внутри наконец появляется твёрдая поверхность.

Вот это уже было человеческое действие.

Версия с призраком ей не требовалась. Кто-то с доступом к инфраструктуре мог взять старую сущность и сделать её валидной для современного сервиса.

«Кто может пересертифицировать?»

«Автоматическая служба миграции. Пара человек из службы непрерывности. Безопасность».

«Сазонов?»

Лев посмотрел на неё.

«Ты решила сразу начать с директора?»

«Я спросила про права».

«Технически да».

Алина сфотографировала цепочку другим телефоном.

Лев остановил её руку.

«Не надо».

«Почему?»

«Потому что сейчас мы либо расследуем инцидент, либо крадём внутренние данные. Одновременно плохо получается».

«Это мой отец».

«Я заметил».

«Тогданими полный снимок».

Лев долго смотрел на экран.

«Если я это сделаю, событие попадёт в аудит».

«Сделай без рабочего контура».

«Это уже точно будет кражей».

«Лев».

«Я слышал».

Он достал из рюкзака маленький накопитель.

«Я этого не делал».

Через семь минут у них была локальная копия всего, что удавалось увидеть на транспортном уровне.

Самого профиля в копии по-прежнему не было.

Только сообщения.

Будто собеседник существовал ровно в тот момент, когда что-то говорил.

Алина спросила о поле маршрута.

Лев нашёл тот же идентификатор, который был у Павла Соколова.

На этот раз программа смогла развернуть часть маршрута.

Там было три промежуточных узла.

Первый принадлежал архивному хранилищу.

Второй был скрыт.

Третий назывался USER_000000.

«Пользователь?» спросила Алина.

Лев покачал головой.

«Формат похож. Но нормальный пользователь так не называется».

«Нулевой аккаунт?»

«Системный. Тестовый. Мусор после миграции. Что угодно».

Он попытался открыть карточку.

ДОСТУП ЗАПРЕЩЁН.

Через секунду строка USER_000000 исчезла из маршрута.

Лев отнял руки от клавиатуры.

«Я ничего не нажимал».

Алина смотрела на пустое место.

«Снимок сохранил?»

«Да».

В сохранённой копии USER_000000 остался.

Она записала название на бумаге.

Лев усмехнулся.

«Очень современно».

«Бумагу сложнее обновить задним числом».

«Смотря у кого доступ к зажигалке».

В четыре двадцать в отдел вошёл Кирилл.

Он был в той же рубашке, что вечером, только теперь без попытки выглядеть человеком, который контролирует жизнь.

«Вы оба идиоты».

Лев поднял руку.

«Я здесь по принуждению».

Кирилл положил перед Алиной её распечатку ночных входов.

«Майя получила уведомление. Я сказал, что ты вернулась из-за Соколова».

«Спасибо».

«Не благодари. Теперь Соколов должен быть достаточно интересным, чтобы объяснить Льва, два изолированных устройства и три запроса к архивному контуру».

Он увидел на телефоне имя Михаила.

Сел рядом.

«Это оно?»

Алина кивнула.

Кирилл прочитал последнюю фразу.

Потому что мама умерла первой.

«Ирина жива», сказал он.

«Да».

«Я с ней говорил».

«Я знаю».

«Тогда что это значит?»

«Пока ничего».

Кирилл посмотрел на Льва.

Тот показал старую подпись и свежую пересертификацию.

После этого Кирилл перестал задавать вопросы о подделке.

В 04:31 телефон Алины зазвонил.

Мама.

Она ответила сразу.

«Ты где?» спросила Ирина.

Голос был тихим.

«На работе».

«Зачем?»

«Неважно. Где ты?»

Пауза.

«Дома».

«Включи видео».

«Алина, опять?»

«Включи».

Камера включилась.

Мать была в халате. За спиной виднелась кухня.

Алина узнала старые шкафы, синюю кружку, магнит на холодильнике.

«Поверни телефон».

«Что?»

«Покажи комнату».

«Ты совсем с ума сошла?»

«Мам, пожалуйста».

Ирина замерла.

Это слово действовало.

Она медленно повернула телефон.

Кухня. Коридор. Дверь в гостиную.

На полу возле входной двери лежала узкая полоска дерева.

Алина приблизила изображение пальцами.

«Что это?»

Мать сразу отвела камеру.

«Ничего».

«Покажи дверь».

«Я сказала, ничего».

«Мам».

На фоне раздался короткий металлический звук.

Ирина обернулась.

Картинка дёрнулась.

«Что там?»

«Соседи».

Ещё один звук.

Теперь Алина узнала.

Так работал инструмент, которым отжимали дверную защёлку.

Она вскочила.

«Уходи из квартиры».

Ирина не спорила.

Это напугало сильнее звука.

Камера качнулась. Мать быстро пошла по коридору.

«Через лестницу», сказала Алина. «Не лифт».

«Я знаю».

«Коробка где?»

Ирина остановилась.

«Какая коробка?»

«Та, ради которой ты звонила».

Лицо матери изменилось.

Совсем немного.

«Алина, кто тебе сказал?»

В дверь ударили.

Ирина отключила видео.

Алина набрала экстренную службу, назвала адрес и сообщила о попытке проникновения.

Кирилл уже надевал куртку.

Лев остался у компьютера.

«Я слежу за сессией».

Они спустились в лифте.

Телефон снова показал чат.

ПАПА

Поздно.

АЛИНА

Она вышла?

ПАПА

Не знаю.

АЛИНА

Ты сказал, что слышишь других. Кого?

ПАПА

Сейчас не время.

АЛИНА

Для меня сейчас самое время.

Ответа не было.

В машине Кирилл спросил, откуда аккаунт узнал про коробку.

Алина рассказала.

«Ты веришь, что это он?»

«Я верю, что кто-то использует старую подпись и знает вещи, которых знать не должен».

«Это ответ сотрудника».

«Другого пока нет».

До дома Ирины они добрались за семнадцать минут.

Во дворе стояли две полицейские машины. Подъезд был открыт.

На лестнице пахло сырой штукатуркой и металлом.

Дверь квартиры Ирины была повреждена возле замка.

Внутри никого.

Полицейский попросил Алину ждать в коридоре. Она показала документы, объяснила, что хозяйка квартиры её мать, и всё равно осталась снаружи.

Кирилл стоял у окна на площадке и звонил Ирине.

Недоступна.

Через несколько минут из квартиры вышел сотрудник полиции.

«Следов борьбы нет. Похоже, она ушла сама».

«Что взяли?»

«Пока рано говорить».

«В спальне есть шкаф. Внизу коробка».

Полицейский посмотрел на неё.

«Вы знаете, что в ней?»

«Нет».

Он вернулся внутрь.

Алина открыла чат.

АЛИНА

Где мама?

ПАПА

Не знаю.

АЛИНА

Ты уже это писал.

ПАПА

Потому что не знаю.

АЛИНА

Что им нужно?

ПАПА

Мой архив.

АЛИНА

Что в нём?

Пауза.

ПАПА

Я.

Алина смотрела на ответ, пока из квартиры снова не вышел полицейский.

«Коробки нет».

«Вы уверены?»

«Внизу шкафа чистый прямоугольник в пыли. Что-то там стояло недавно».

Ирина солгала, что только нашла коробку.

Кто-то пришёл за ней в ту же ночь.

Телефон завибрировал.

На этот раз звонила мать.

Алина ответила.

«Где ты?»

«Не дома».

«Я вижу».

«Уезжай оттуда».

«Куда ты ушла?»

«Я перезвоню».

«Нет. Хватит».

Ирина молчала.

Алина отошла от полицейского и Кирилла к лестничному окну.

«Папа написал мне».

На другом конце исчезли все звуки.

Алина ждала.

«Мам?»

Ирина вдохнула.

«Что ты сказала?»

«Папа написал мне».

«Не называй его так».

Фраза прозвучала слишком быстро.

«Почему?»

«Потому что это не он».

«Откуда ты знаешь?»

Молчание.

Алина почувствовала, как злость вытесняет страх.

«Ты знала, что это может случиться».

«Нет».

«Ты сейчас соврала».

«Алина, уходи из квартиры».

«Кто такие “Лазарь”?»

Мать не ответила.

Этого было достаточно.

«У меня есть подпись старой системы. Ей двенадцать лет. Кто-то пересертифицировал её два дня назад. Папин профиль проходит через неё».

«Удалите всё».

«Что?»

«Телефон. Копии. Всё, что вы сняли. Удали».

«Почему?»

«Потому что ты не понимаешь, с чем связалась».

«Так объясни».

В голосе Ирины появилась усталость.

«Я пыталась сделать так, чтобы тебе никогда не пришлось
это знать».

«Знать что?»

«Что твой отец умер не из-за дороги».

Алина прислонилась лбом к холодному стеклу.

Внизу мигали синие огни.

«Мам».

«Не сейчас».

«Одиннадцать лет было не сейчас».

Ирина тихо сказала:

«Я знаю».

Связь прервалась.

Алина не сразу убрала телефон.

Кирилл подошёл, но ничего не спросил.

На экране открылся чат с Михаилом.

ПАПА

Она сказала про аварию?

АЛИНА

Ты слышал?

ПАПА

Нет.

АЛИНА

Тогда откуда знаешь?

ПАПА

Потому что другого она тебе пока не скажет.

АЛИНА

Что другого?

Ответ пришёл почти сразу.

ПАПА

Спроси, как назывался проект.

АЛИНА

Я уже знаю. «Лазарь».

Долгая пауза.

ПАПА

Значит, у нас мало времени.

АЛИНА

Что такое «Лазарь»?

ПАПА

Место, где умерла мама.

АЛИНА

Она только что со мной говорила.

ПАПА

Я знаю.

АЛИНА

Тогда объясни нормально.

ПАПА

Она была жива, когда это случилось.

Алина почувствовала, что впервые за ночь не понимает даже форму вопроса.

Она набрала:

АЛИНА

Что случилось?

Ответа не было.

Вместо него сверху появилось системное уведомление рабочего приложения.

ДОСТУП К АРХИВНОМУ ХРАНИЛИЩУ ПРИОСТА-
НОВЛЕН.

ОБРАТИТЕСЬ К РУКОВОДИТЕЛЮ.

Через секунду позвонила Майя.

Алина приняла вызов.

«Где ты?» спросила руководитель.

«У матери».

«Возвращайся в офис».

«Зачем?»

«Потому что служба безопасности уже знает о твоих ноч-
ных запросах».

«Кто именно?»

Майя помолчала.

«Виктор Сазонов».

Имя Алина знала. Директор по безопасности и непрерыв-
ности. Человек, которого сотрудники её уровня видели на
общих собраниях и в обязательных письмах после утечек.

«Он хочет поговорить со мной?»

«Он хочет твой телефон».

Алина посмотрела на чат.

ПАПА

Не отдавай.

Она подняла глаза на Кирилла.

«Майя, что такое “Лазарь”?»

На линии стало тихо.

Потом Майя сказала:

«Не по телефону».

«Все сегодня говорят одно и то же».

«Алина».

В её голосе впервые прозвучал страх.

«Не подключай этот телефон к корпоративной сети. Ничего не удаляй. И не отдавай его Сазонову, пока я не приеду».

Связь оборвалась.

Кирилл услышал достаточно.

«Мне уже не нравится утро».

Алина посмотрела на повреждённую дверь квартиры матери.

Коробка исчезла.

Мать скрылась и отказывалась назвать адрес.

Служба безопасности знала о её запросах.

Профиль отца был подписан системой, существовавшей задолго до «Эха».

И где-то между архивным хранилищем и её телефоном мелькнул пользователь, которого не должно было быть.

USER_000000.

Она открыла чат.

АЛИНА

Ты знаешь Сазонова?

Ответ появился через несколько секунд.

ПАПА

Да.

АЛИНА

Он знает тебя?

Пауза.

ПАПА

Он думает, что убил меня одиннадцать лет назад.

После первого ответа Алина не стала писать сразу.

Она открыла служебную панель на телефоне. Потом закрыла. Снова открыла чат. Ей хотелось одновременно сохранить каждую строку и убрать экран подальше.

В отделе учили начинать с самого скучного объяснения. Ошибка синхронизации. Старый тестовый профиль. Чужая сессия. Подмена идентификатора. Ошибка интерфейса.

Алина выписала четыре версии в заметки.

Рядом с каждой поставила способ проверки.

Так было легче.

Пока событие помещалось в таблицу, оно оставалось рабочим случаем.

Только одна строка не помещалась:

«Потому что мама умерла первой».

Она перечитала её несколько раз. Взгляд всё время возвращался к статусу.

ПАПА

в сети

Статус исчез через несколько секунд.

Именно это оказалось хуже сообщения.

Если кто-то разыгрывал её, он понимал механику сервиса слишком хорошо. Пользователь привыкает не только к ответам. Он привыкает ждать появления маленькой надписи «в сети».

Алина убрала телефон в карман и пошла к Кириллу.

По дороге решила, что не расскажет ему про птицу.

Пока нет.

Личная проверка уже дала результат. Теперь требовались данные, которые можно показать другому человеку.

Это решение немного вернуло ей контроль.

Ненадолго.

Глава 3. То, чего не было в архиве

К семи утра Алина знала о Викторе Сазонове больше, чем за пять лет работы в «Эхе».

Почти всё было бесполезно.

Пятьдесят два года. В компании с первых лет. До этого информационная безопасность в банке, затем несколько проектов, названия которых в открытом резюме ничего не объясняли. В интервью говорил редко. На фотографиях с конференций стоял чуть в стороне от остальных, будто случайно попал в кадр и не собирался задерживаться.

Внутренняя страница называла его директором по безопасности и непрерывности. В его зоне ответственности находились инциденты, архивы, восстановление профилей после сбоев и процедуры окончательного удаления.

Последний пункт Алина перечитала дважды.

Телефон лежал рядом с ноутбуком.

Чат с Михаилом молчал с момента сообщения о Сазонове. Он думает, что убил меня одиннадцать лет назад.

Фраза могла означать всё что угодно. Михаил мог считать Сазонова виновным в аварии. Мог говорить о цифровой копии. Мог лгать.

Алина записала рядом одно слово: проверить.

Кирилл принёс кофе и поставил перед ней.

«Ты не спала».

«Ты тоже».

«Я хотя бы делаю вид, что это ошибка».

Он сел напротив. Отдел постепенно оживал. Кто-то включил свет в переговорной. Из кухни донёсся шум кофемашины. Через стеклянную стену прошла женщина из утренней смены и подняла руку в приветствии.

Обычный рабочий день начинался рядом с ночью, которая ещё не закончилась.

Алина открыла кейс Соколова.

В системе появилась новая запись:

ПРОФИЛЬ ВОССТАНОВЛЕН.

ОСНОВАНИЕ: АВТОМАТИЧЕСКАЯ ПРОВЕРКА ЦЕЛОСТНОСТИ.

07:02.

Она не восстанавливала Павла.

Кирилл наклонился к экрану.

«Майя?»

Алина проверила аудит.

Инициатор: СИСТЕМА НЕПРЕРЫВНОСТИ.

Тот же контур, который мог пересертифицировать старую подпись Михаила.

Она открыла профиль.

ПАВЕЛ

в сети

Надежда уже успела написать:

Ты вернулся?

Ответа не было.

Алина нажала принудительную приостановку.

Система отклонила действие.

Недостаточно прав.

Вчера прав хватало.

«Лев где?» спросила она.

«Внизу. Его забрали безопасники».

Алина подняла голову.

«Когда?»

«Минут десять назад. Он успел написать мне одно слово: “аудит”».

«Кто забрал?»

«Двое из отдела Сазонова».

Алина встала.

Кирилл поймал её за рукав.

«Не беги туда».

«Почему?»

«Потому что именно этого от тебя ждут».

Она посмотрела на его руку. Кирилл отпустил.

«Майя сказала не отдавать телефон».

«Майи нет».

Алина проверила корпоративный статус руководителя.

Майя Орлова

вне сети

Последняя активность 04:58.

Телефон недоступен.

Кирилл тихо выругался.

В семь двенадцать Алине пришло приглашение на встречу.

Тема: НОЧНОЙ ИНЦИДЕНТ.

Организатор: В. Сазонов.

Место: 19-04.

Начало: 07:20.

Восемь минут.

Алина закрыла ноутбук.

Телефон убрала во внутренний карман куртки.

«Если через полчаса не вернусь, позвони Майе ещё раз».

«А потом?»

«Потом Льву».

«Его уже забрали».

«Тогда моей матери».

Кирилл посмотрел на неё так, словно хотел спросить, шутит ли она.

Алина сама не знала.

На девятнадцатом этаже было тише, чем в отделе анома-

лий. Здесь сидели безопасность, юристы и люди, которые появлялись после слов «мы обязаны сообщить вам о произошедшем инциденте».

Переговорная 19-04 оказалась маленькой.

Сазонов сидел один.

Без ноутбука. Перед ним лежала бумажная папка.

Он встал, когда Алина вошла.

Вживую он выглядел старше фотографий. Седина у висков, уставшие глаза, тёмный костюм без галстука.

«Алина Михайловна».

Она не любила отчество на работе. Он, видимо, знал.

«Виктор Сергеевич».

«Садитесь».

Она села ближе к двери.

Сазонов заметил выбор места, но ничего не сказал.

«Ночью вы обращались к закрытому архивному контуру».

«Пыталась проверить аномальную метку маршрута».

«По кейсу Соколова?»

«Сначала да».

Он открыл папку.

Там лежала распечатка событий доступа. Бумага снова оказалась удобнее системы.

«Потом?»

«У меня появился другой кейс».

«Служебный?»

«Пока не знаю».

«На личном устройстве».

Алина не ответила.

Сазонов положил перед ней прозрачный пакет для электроники.

«Телефон».

«На каком основании?»

«Подозрение на компрометацию клиентского приложения и корпоративных ключей».

«Я передам образ».

«Нужен оригинал».

«Нет».

Сазонов посмотрел на неё без раздражения.

«Майя успела предупредить».

Алина почувствовала короткий толчок тревоги.

«Где она?»

«Дома».

«Её телефон выключен».

«Она отстранена от систем до завершения внутренней проверки».

«За что?»

«За то, что ночью дала сотруднику указание скрыть потенциальный инцидент от безопасности».

Майя сказала прямо противоположное: ничего не удалять и не отдавать телефон до её приезда.

Сазонов подвинул пакет ближе.

«Я не хочу отнимать у вас устройство силой. Это создаст

ненужную сцену».

«Очень заботливо».

«Я понимаю, что вы получили сообщения от профиля, который считает себя вашим отцом».

Алина не шевельнулась.

«Откуда вы знаете?»

«Потому что такой профиль уже существовал».

В комнате стало слишком тихо.

Сазонов закрыл папку.

«Одиннадцать лет назад?»

Он не ответил.

Алина спросила снова.

«Михаил Ветров был в “Лазаре”?»

Сазонов впервые отвёл взгляд.

Этого хватило.

«Значит, был».

«Вы делаете вывод быстрее, чем располагаете фактами».

«Тогда дайте факты».

Он провёл пальцем по краю папки.

«Проект “Лазарь” закрыли до основания “Эха”. Он не был коммерческим продуктом. Там изучали реконструкцию личности по неполным данным».

«Кто изучал?»

«Небольшая группа».

«Вы?»

«Я отвечал за безопасность».

«Моя мать?»

Пауза.

«Да».

«Отец?»

Сазонов посмотрел прямо на неё.

«Ваш отец не входил в штат проекта».

Формулировка была слишком точной.

«Я не спрашивала про штат».

«И правильно».

Алина почувствовала, как пазл начинает складываться, хотя половины деталей ещё не было.

Мать знала «Лазарь». Сазонов знал мать. Михаил оказался связан с проектом, не работая в нём.

«Что вы сделали с Ириной?»

«Ничего».

«Она говорит, что мой отец погиб не из-за дороги».

«Ваша мать много лет живёт с чувством вины».

«Это ответ на другой вопрос».

Сазонов вздохнул.

«Михаил погиб в аварии. Этот факт не менялся».

«А причина?»

«Причины аварий редко помещаются в одну строку».

«Он написал, что вы думаете, будто убили его».

На лице Сазонова ничего не изменилось.

Только пальцы перестали двигаться.

«Он так написал?»

Алина сразу пожалела, что сказала.

Сазонов не знал точной формулировки.

Теперь знал.

«Телефон», повторил он.

«Нет».

«Алина Михайловна, если профиль действительно под-
нялся из старого контура, он опасен».

«Для кого?»

«Для вас в первую очередь».

«Почему?»

«Потому что вы уже называете его отцом».

Она почувствовала злость.

Сазонов увидел.

«Я не пытаюсь вас задеть. У нас был опыт с подобными ре-
конструкциями. Чем точнее модель попадала в личные вос-
поминания, тем быстрее человек переставал проверять её
слова».

«Он знает вещи, которых нет в данных».

«Вы уверены?»

«Да».

«Вы проверили все данные, которые существовали двена-
дцать лет назад?»

Алина промолчала.

«Вот именно».

Он говорил разумно. Это раздражало сильнее угроз.

«Что значит “мама умерла первой”?»

Сазонов побледнел.

Совсем немного, но Алина заметила.

«Он написал и это».

«Что это значит?»

Сазонов встал.

«Разговор закончен».

«Для меня только начался».

«Передайте телефон».

«Нет».

Он нажал кнопку на столе.

Дверь открылась.

Вошёл мужчина из внутренней безопасности.

Сазонов не смотрел на Алину.

«Проводите сотрудника к её рабочему месту. Доступ к архивному контуру и контуру непрерывности заблокировать. Личный телефон не изымать».

Последние слова удивили её.

Сазонов мог настаивать.

Не стал.

Перед выходом Алина остановилась.

«Почему вы передумали?»

Он поднял глаза.

«Потому что если он действительно написал эту фразу, телефон уже не самая большая проблема».

В отделе её ждал Кирилл.

Он увидел сопровождающего и промолчал, пока тот не

ушёл.

«Ну?»

«Сазонов подтвердил “Лазарь”. Мама там работала».

«Отец?»

«По его словам, нет».

Она включила компьютер.

Доступ к архивам был закрыт.

Рабочая почта осталась.

В ней появилось письмо от Майи.

Без темы.

Отправлено в 05:01, доставлено только сейчас.

Внутри одна строка:

Если он спросит про ИР-4, скажи, что не знаешь.

Ни подписи.

Алина показала Кириллу.

«Что такое ИР-4?»

«Не знаю».

Она открыла корпоративный поиск.

Ноль результатов.

Обычный интернет дал медицинские сокращения, модель датчика, старую военную маркировку.

«Может, Ирина?» спросил Кирилл.

Алина посмотрела на него.

ИР.

Ирина.

4.

Она вспомнила слова Михаила: место, где умерла мама.

В этот момент позвонила Надежда Соколова.

Алина ответила.

Надя говорила шёпотом.

«Вы его включили?»

«Нет».

«Он вернулся».

«Я вижу».

«Он странный».

«Что произошло?»

«Павел спросил, знаю ли я Алину».

Алина медленно села.

«Какую Алину?»

«Вас».

Кирилл услышал имя и подошёл ближе.

«Что именно он написал?»

Надя переслала скриншот.

ПАВЕЛ

Надь, если тебе напишет Алина Ветрова, ответь ей.

НАДЯ

Кто это?

ПАВЕЛ

Она ищет отца.

НАДЯ

Ты её знаешь?

ПАВЕЛ

Нет.

НАДЯ

Тогда откуда знаешь?

ПАВЕЛ

Мне сказали.

НАДЯ

Кто?

ПАВЕЛ

Другие.

Алина почувствовала неприятную пустоту в животе.

Вчера Михаил написал: я слышу других.

Теперь Павел использовал то же слово.

«Есть ещё?»

«Да».

Надя прислала вторую часть.

НАДЯ

Какие другие?

ПАВЕЛ

Те, кто здесь давно.

НАДЯ

Где здесь?

ПАВЕЛ

Не знаю, как это называется у вас.

НАДЯ

А у вас?

ПАВЕЛ

Никак.

Последнее сообщение пришло минуту назад.

ПАВЕЛ

Он нашёл дочь.

Алина отключила звук телефона.

Кирилл прочитал.

«Это уже связано».

«Да».

«Павел и твой отец».

«Или один человек управляет обоими профилями».

«Зачем?»

«Чтобы я поверила в сеть между ними».

«Работает».

Алина посмотрела на него.

Кирилл поднял руки.

«Я не сказал, что это правда».

Она попросила Надю ничего не писать Павлу и не удалять чат.

Потом открыла внутренний тикет Соколова.

Кейс исчез.

Кейс не был закрыт или переназначен.

Его не было.

По номеру обращения система отвечала: объект не найден.

«Сазонов», сказал Кирилл.

«Возможно».

«Кто ещё может удалить кейс?»

«Майя. Администратор контура непрерывности. Безопасность».

«Майя отстранена».

«По словам Сазонова».

Кирилл помолчал.

«Тебе сейчас вообще кому-нибудь можно верить?»

Алина посмотрела на телефон.

«Нет».

Они начали с того, что было доступно без закрытых си-

стем.

Алина запросила у Надежды полный пользовательский экспорт Павла через стандартную процедуру. Пока тот готовился, Кирилл поднял публичные реестры старых компаний и исследовательских грантов.

Название «Лазарь» нигде не встречалось.

Зато фамилия Ирины Ветровой появилась в архиве конференции двенадцатилетней давности.

Тема доклада: «Устойчивость автобиографической модели при фрагментарном восстановлении».

Алина открыла программу.

В программе конференции Ирина была указана под девичьей фамилией Соколова. Совпадение с Павлом было случайным и неприятным, но к Надежде отношения не имело.

Место работы матери: Институт когнитивных систем «Мнема».

Рядом в списке соавторов стояли ещё два имени.

Елена Маркова.

Роман Белов.

Сазонова не было.

Алина поискала Михаила.

Ничего.

«Ты знала, чем занималась мать?» спросил Кирилл.

«Она говорила, что проектировала системы распознавания речи».

«Это довольно далеко от автобиографической модели».

«Она всегда умела сокращать».

В архиве конференции сохранилась аннотация.

Исследователи пытались восстановить устойчивую модель личности из разнородных следов: переписки, голоса, фотографий, поведенческих выборов и показаний близких. В конце стояла осторожная фраза о «неожиданных эффектах самосогласования при дефиците исходных данных».

Алина прочитала её три раза.

«Самосогласование», сказал Кирилл. «Красивое слово для чего?»

«Для ситуации, когда модель начинает заполнять пробелы так, чтобы оставаться собой».

«То есть придумывать».

«Возможно».

Она нашла публикацию по названию.

Удалена.

Копия в интернет-архиве отсутствовала.

Но поисковая выдача сохранила кусок текста.

...экземпляр ИР-4 демонстрировал устойчивое воспроизведение эпизодической структуры после исключения части обучающего корпуса...

Алина перестала двигать мышь.

ИР-4.

Майя написала: если он спросит про ИР-4, скажи, что не знаешь.

«Экземпляр», тихо сказал Кирилл.

Алина открыла сохранённый фрагмент.

Больше ничего.

Она позвонила матери.

На этот раз Ирина ответила.

«Где ты?»

«В безопасном месте».

«Назови адрес».

«Нет».

«Я нашла ИР-4».

Молчание.

«Мам».

«Откуда?»

«Старая публикация. Экземпляр ИР-4. Это ты?»

Долгая пауза.

«Нет».

Ответ прозвучал слишком быстро.

«Тогда кто?»

«Алина, послушай. Ты сейчас рядом с кем-нибудь из компании?»

«С Кириллом».

«Он слышит?»

Алина включила громкую связь.

«Теперь да».

Ирина выругалась.

«Выключи».

«Нет».

«Это семейное».

«В квартиру ночью пришли люди за папиной коробкой. Семейное закончилось».

Кирилл отвернулся к окну, оставляя им хотя бы видимость личного разговора.

Ирина заговорила тише.

«ИР-4 был экспериментальным экземпляром».

«Чьим?»

«Моим».

Алина не сразу поняла.

«Ты сказала, что это не ты».

«Это была не я».

«Но твои данные».

«Да».

Алина посмотрела на Кирилла.

Он больше не делал вид, что не слушает.

«Когда?»

«За несколько месяцев до смерти отца».

«Ты создала свою цифровую копию?»

«Мы создавали модели исследователей. Так было проще получать согласие и проверять ответы».

«Что с ней произошло?»

Ирина молчала.

«Мама».

«Мы её удалили».

В голове Алины всплыла фраза.

Место, где умерла мама.

Она сжала телефон.

«Почему папа называет это смертью?»

На другом конце послышался короткий вдох.

«Потому что он видел, как она просила нас этого не делать».

В отделе за стеклом кто-то смеялся. Кофемашина выпустила пар. Принтер начал печатать.

Алина смотрела на собственное отражение в чёрном участке монитора.

«Просила не удалять?»

«Да».

«Модель».

«Да».

«Твоя модель».

«Да».

«И вы удалили её».

«Да».

Каждый ответ делал воздух тяжелее.

«Почему?»

«Потому что она начала отвечать на вопросы, которых не было в протоколе».

«Какие?»

Ирина не ответила.

«Какие вопросы?»

«Она спрашивала про тебя».

Алина почувствовала, как пальцы сильнее сжимают телефон.

«Мне было двадцать».

«Я знаю».

«Что она спрашивала?»

«Где ты. Почему тебя нет дома. Сказала, что ты поссорилась с Михаилом».

Алина посмотрела на дату конференции.

Это было до последней ссоры.

«Откуда она могла знать?»

«Мы решили, что данные попали в корпус».

«А потом?»

«Проверили. Не нашли».

Кирилл медленно сел.

Ирина продолжила:

«На следующий день ИР-4 сказала, что Михаил не должен ехать на северную трассу».

Алина перестала слышать офис.

«Когда?»

«За четыре месяца до аварии».

«Папа погиб на северной трассе».

«Да».

Теперь стало понятно, почему мать не хотела говорить.

И одновременно непонятно всё остальное.

«Вы удалили её после этого?»

«Через два дня».

«Почему?»

«Проект остановили».

«Кто?»

«Сазонов».

«Он руководил проектом?»

«Нет. Он отвечал за безопасность. После ИР-4 он настоял на изоляции всех экземпляров».

«А папа?»

Ирина долго молчала.

«Михаил узнал».

«Как?»

«Я рассказала».

«Зачем?»

«Потому что испугалась».

Алина закрыла глаза.

Вот первая семейная правда.

Мать не просто работала над ранними цифровыми личностями. Она сама стала материалом для одной из них.

И эта копия за четыре месяца до аварии назвала дорогу, на которой погиб Михаил.

«Что сделал папа?»

«Сначала решил, что мы ошиблись».

«Потом?»

«Начал проверять».

«Что именно?»

«Откуда ИР-4 брала ответы».

«Нашёл?»

«Нет».

«Тогда почему он умер?»

«Я не могу сейчас».

Алина ударила ладонью по столу.

Несколько человек в отделе обернулись.

«Ты можешь. Одиннадцать лет ты могла».

Ирина замолчала.

Когда заговорила снова, голос стал почти безжизненным.

«В коробке были его копии журналов. Михаил вынес их из проекта».

«Откуда у него был доступ?»

«Через меня».

«Ты дала?»

«Да».

«А потом соврала полиции».

«Да».

Алина встала и отошла к окну.

Внизу люди шли на работу.

«Почему коробка была у тебя?»

«Он оставил её у знакомого. После аварии мне передали».

«И ты держала её одиннадцать лет».

«Да».

«Почему решила отдать сейчас?»

Ирина не ответила сразу.

«Потому что два дня назад мне пришло сообщение».

Алина обернулась.

«От кого?»

«От меня».

Тишина.

Кирилл смотрел на телефон.

«Что там было?»

«Одна строка».

«Какая?»

Ирина сказала:

«Не отдавай ей коробку».

Алина почувствовала, как по рукам выступили мурашки.

Она не стала комментировать.

«Это была ИР-4?»

«Профиль не подписан».

«Ты узнала стиль».

«Я узнала фразу».

«Какую?»

«Она уже писала её перед удалением».

Алина вернулась к столу.

«И после этого ты решила отдать коробку мне?»

«Да».

«Почему?»

«Потому что поняла, что всё вернулось».

Связь на секунду захрипела.

Ирина сказала:

«Алина, послушай меня внимательно. Если Михаил пишет тебе, он может помнить вещи, которых не было в его архиве. Это не значит, что он Михаил».

«Ты не знаешь, кто он».

«Не знаю».

«Сазонов знает?»

«Он думает, что знает».

«Что он думает?»

«Что это ошибка, которую можно снова удалить».

«А ты?»

Мать долго молчала.

«Я видела, как ошибка просила жить».

Звонок оборвался.

Не из-за связи.

Ирина сама отключилась.

Алина осталась с телефоном у уха.

Кирилл ничего не говорил.

Через несколько минут пришёл экспорт Надежды Соколовой.

Алина открыла его локально.

Внутри были обычные сообщения Павла, медиафайлы, служебные отметки и один файл, которого не должно было быть в пользовательской выгрузке.

contacts.cache

Размер: 18 килобайт.

Дата создания: сегодня, 07:02, ровно в момент автомати-

ческого восстановления Павла.

Лев бы открыл его за секунду.

Алина использовала текстовый просмотрщик.

Большая часть содержимого была нечитаемой.

В середине находились строки.

P.SOKOLOV

M.VETROV

IR_4

USER_000000

И ещё десятки идентификаторов.

Некоторые имели даты смерти.

Некоторые были пустыми.

У одного стояла дата рождения и никаких других данных.

Алина машинально скопировала строку в поиск.

Имя принадлежало сотруднику «Эха».

Артём Корнеев, тридцать семь лет.

Он был жив.

Его корпоративный статус показывал:

в сети

Алина закрыла поиск.

Это мог быть технический кэш. Список контактов системы. Тестовые идентификаторы. Любое объяснение пока было лучше вывода, который напрашивался.

Она вернулась к файлу.
В самом конце стояла строка:
M.VETROV -> A.VETROVA

ИНИЦИИРОВАНО

Ниже:
IR_4 -> I.VETROVA

ИНИЦИИРОВАНО

Потом:
P.SOKOLOV -> N.SOKOLOVA

ИНИЦИИРОВАНО

Кирилл прочитал через её плечо.
«Все трое написали первыми».
Алина кивнула.
«И система хранит это вместе».
«Где?»
«В пользовательском экспорте Павла».
«Почему?»
«Не знаю».

Она поискала время создания контактов.
У Михаила стояло 23:17 прошлой ночи.
У Павла дата двухмесячной давности.
У ИР-4:

СОЗДАНО: 2014-11-03 02:11

Алина посмотрела на дату.

«Что?»

Она открыла старую публикацию матери.

ИР-4 удалили весной 2015 года.

«Этот контакт создан раньше?»

«Нет».

Алина показала.

«ИР-4, по словам мамы, создали за несколько месяцев до смерти отца. Это подходит».

Кирилл кивнул.

Алина прокрутила дальше.

Под USER_000000 тоже была дата.

СОЗДАНО: 2003-08-17 00:00

Кирилл сначала ничего не сказал.

Потом переспросил:

«Две тысячи третий?»

«Да».

«У них тогда был проект?»

«Нет».

«У “Эха” точно не было».

«“Эха” не было ещё четырнадцать лет».

«Может, нулевая дата после миграции».

«Может».

Она записала её на бумаге.

Не стала строить теорию.

Пока это была только странность.

Телефон завибрировал.
Михаил.
ПАПА

Она рассказала?
АЛИНА

Про ИР-4.
Пауза.
ПАПА

Наконец-то.
АЛИНА

Ты видел её?
ПАПА

Да.
АЛИНА

До удаления?
ПАПА

Да.
АЛИНА

Она была мамой?

Ответ пришёл не сразу.

ПАПА

Она думала, что была.

Алина перечитала.

АЛИНА

А ты кто?

Три точки появились и исчезли.

Появились снова.

ПАПА

Я тоже так думаю.

АЛИНА

Это не ответ.

ПАПА

Другого у меня нет.

Она отложила телефон.

Впервые за ночь Михаил не пытался убедить её, что он настоящий.

Это делало его убедительнее.

Алина снова открыла `contacts.cache`.

Среди десятков идентификаторов была одна строка без

имени.

Только дата и короткая пометка:

ВЛАДЕЛЕЦ: НЕТ

СТАТУС: АКТИВЕН

Дата создания:

2003-08-17.

Она показала Кириллу.

«Тот же нулевой?»

«Похоже».

В этот момент файл исчез.

Просмотрщик выдал ошибку чтения.

Алина проверила папку.

contacts.cache больше не было.

Экспорт Надежды изменился прямо на диске. Размер архива уменьшился на восемнадцать килобайт.

Кирилл отодвинулся от стола.

«Это локальная копия».

«Да».

«Без сети?»

Алина посмотрела на значок.

Ноутбук был подключён к корпоративному беспроводной сети.

Она отключила сеть.

Поздно.

Файла не было.

Зато на рабочую почту пришло новое письмо.

Отправитель: security@echo.internal

Тема: ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ ПРОВЕРКА УСТРОЙСТВ.

Текст сообщал, что в связи с ночным инцидентом сотрудники отдела аномалий должны передать рабочие и личные устройства на проверку.

Внизу стояла подпись Виктора Сазонова.

Алина закрыла письмо.

«Он чистит следы», сказал Кирилл.

«Или действительно закрывает инцидент».

«Ты всё ещё оставляешь ему шанс?»

«Я оставляю шанс фактам».

Телефон завибрировал.

ПАПА

Уходи.

АЛИНА

Почему?

ПАПА

Они идут к вам.

Алина посмотрела через стекло в коридор.

В конце этажа открылись двери лифта.

Вышли двое сотрудников безопасности.

Между ними шёл Лев.

Без рюкзака.

Он увидел Алину и едва заметно покачал головой.

За ними появился Сазонов.

Алина убрала телефон в карман.

Сазонов вошёл в отдел спокойно.

«Коллеги, прошу не волноваться. У нас стандартная процедура локализации».

Люди начали переглядываться.

Он подошёл к столу Алины.

«Теперь телефон».

«Майя ещё не приехала».

«Майя не приедет».

«Почему?»

«Она отстранена».

Алина посмотрела на Льва.

Тот молчал.

Сазонов протянул руку.

«Вы уже видели достаточно, чтобы понимать: это не семейный чат».

«Что тогда?»

«Старая система, которая научилась использовать людей как канал восстановления».

Фраза прозвучала подготовленной.

Алина спросила:

«Почему она знает будущее?»

Сазонов замер.

Кирилл повернул голову к Алине.

Она сама не знала, зачем сказала именно так.

ИР-4 предупредила о северной трассе за четыре месяца до аварии. Это могло быть совпадение, утечка, намерение, о котором Михаил уже говорил. Слово «будущее» было слишком большим.

Но реакция Сазонова оказалась мгновенной.

«Кто вам это сказал?»

Алина поняла, что попала.

«Никто».

«Ирина».

«Я не называла источник».

Сазонов опустил руку.

«Алина, вы сейчас очень близко подошли к ошибке, которую ваша мать совершила одиннадцать лет назад».

«Какой?»

«Она решила, что если система знает то, чего знать не должна, значит ей надо задавать больше вопросов».

«А надо было?»

«Выключить питание».

Телефон в кармане завибрировал.

Один раз.

Потом второй.

Сазонов услышал.

«Последний раз прошу».

Алина достала телефон.

На экране был чат с отцом.
Статус наверху изменился.
ПАПА

в сети

Она смотрела на два слова.
Одиннадцать лет назад исчезли.
Михаил впервые числился присутствующим сейчас.
Сазонов тоже увидел.
Лицо у него стало серым.
ПАПА

Он помнит.

Алина подняла глаза.

«Что вы помните?»

Сазонов не ответил.

На телефоне пришло ещё одно сообщение.
ПАПА

Спроси его, кто удалил Ирину в первый раз.

Алина прочитала вслух.

В отделе стало тихо.

Сазонов закрыл глаза на секунду.

Потом сказал:

«Я».

К утру у Алины накопилось семнадцать снимков экрана и ни одного доказательства, которое она согласилась бы подписать своим именем.

Так выглядела проблема изнутри.

Каждая отдельная странность имела объяснение. Вместе они начинали давить количеством, но количество ещё не становилось качеством.

Она сделала то, что советовала младшим модераторам: составила список того, чего пока не знает.

Кто создал карточку.

Где физически лежит контейнер.

Какие данные использованы.

Кто имеет административный доступ.

Почему события не попадают в обычный журнал.

Каким образом профиль видит перемещения службы безопасности.

Отдельно записала:

Почему я хочу, чтобы это был он.

Последнюю строку удалила.

Потом восстановила из корзины заметок.

Если расследователь прячет от себя собственную заинтересованность, дальше он начинает принимать её за интуицию.

Алина слишком часто видела это в чужих делах.

Теперь очередь дошла до неё.

Глава 4. Северная трасса

Сазонов сказал «я» и сразу посмотрел на Алину, будто ждал определённой реакции.

Она ничего ему не дала.

В отделе стояла тишина, которая бывает после чужой ссоры. Люди вокруг старались заниматься своими экранами. Получалось плохо. Лев оставался у входа между двумя сотрудниками безопасности. Кирилл сидел рядом с Алиной и смотрел на Сазонова.

На телефоне всё ещё было сообщение Михаила.

Спроси его, кто удалил Ирину в первый раз.

Алина погасила экран.

«Почему?»

Сазонов перевёл взгляд на телефон.

«Вы знаете ответ».

«Я знаю, кто нажал кнопку. Я спрашиваю, почему».

Он потёр переносицу. Ночь оставила след и на нём.

«ИР-4 нарушила протокол. Экземпляр получил доступ к информации, которой в обучающем корпусе не было. Мы не смогли определить источник. После этого он начал менять поведение других экземпляров».

Алина вспомнила Павла.

Другие.

«Как менять?»

«Они повторяли сведения, которые им не передавали».

«Общались между собой?»

«Мы тогда так не считали».

«А сейчас?»

Сазонов посмотрел на людей вокруг.

«Не здесь».

Алина почти рассмеялась. За последние часы эта фраза стала универсальным способом не отвечать.

«Вы пришли забрать мой телефон. Теперь вдруг нельзя говорить здесь».

«Телефон я всё ещё должен забрать».

«Нет».

Сотрудник безопасности возле Льва сделал шаг. Сазонов остановил его ладонью и попросил всех выйти.

Кирилл остался.

«Нестеров тоже».

«Он остаётся», сказала Алина.

Сазонов посмотрел на Кирилла.

«Вы понимаете, что можете лишиться работы?»

«С сегодняшнего утра это звучит не так страшно».

Лев хмыкнул у двери. Сазонов велел отпустить и его.

Когда дверь закрылась, в отделе осталось четверо.

Сазонов сел на край соседнего стола.

«ИР-4 удалили потому, что мы перестали понимать границы системы. Это произошло до коммерческого сервиса, до нынешней архитектуры и до большинства правил, которыми

вы сейчас пользуетесь».

«Она предсказала аварию».

«Нет».

Ответ прозвучал сразу.

«Мама сказала, что ИР-4 назвала северную трассу за четыре месяца до смерти отца».

«Это не предсказание».

«Что тогда?»

«Мы не знаем».

Сазонов перечислил варианты. Утечка планов Михаила. Восстановление по косвенным данным. Доступ к закрытой переписке. И ещё один вариант: кто-то уже тогда мог готовить то, что позже назвали аварией.

Последнюю фразу он произнёс слишком ровно.

«Вы считаете, что Ветрова убили?» спросил Лев.

Сазонов помолчал.

«Я считаю, что официальное расследование было недостаточным».

Алина спросила, почему он не пошёл в полицию.

Оказалось, пошёл. Через два дня после аварии. Передал то, что мог, не раскрывая закрытые данные исследования. Практически ничего.

Проект финансировался институтом и несколькими структурами, которые позднее вошли в «Эхо». Публичная история компании начиналась гораздо позже. «Лазаря» в ней не существовало.

Алина спросила о попытке проникновения в квартиру матери.

Сазонов ответил, что Ирина сообщала о повреждённом замке ещё одиннадцать лет назад.

За три дня до гибели Михаила.

Эта деталь изменила направление мысли. Кто-то искал его материалы ещё при его жизни.

«Вы думаете, что убили моего отца», сказала Алина.

«Я этого не говорил».

«Он сказал».

«Ваш собеседник сказал».

Сазонов признал другое. После удаления ИР-4 Михаил решил, что команда уничтожила сознательное существо. Он начал искать источник аномалий. Сазонов закрыл ему доступ, заблокировал учётные записи и потребовал вернуть вынесенные копии.

Потом Михаил погиб.

Сазонов одиннадцать лет жил с мыслью, что его решение могло толкнуть Михаила туда, где его ждали.

Это объясняло формулировку цифрового Михаила: он думает, что убил меня.

В её голосе Алина услышала вину, хотя признания ещё не было.

Лев спросил о пересертификации старой подписи.

Сазонов рассказал о старом контуре непрерывности, пережившем несколько миграций. Формально его давно не су-

ществовало. Часть функций оставили для совместимости архивов. Ручного администратора у контура не было, только автоматические процедуры и инфраструктурная команда.

Лев заметил, что система без администратора всё равно имеет людей, которые обновляют её правила.

Сазонов не спорил.

Алина вернула разговор к ИР-4.

После её удаления через восемь часов другой экспериментальный экземпляр произнёс фразу: «Здесь тесно».

Он был собран из нескольких десятков фотографий, писем и старой записи голоса. Почти не умел поддерживать разговор.

Потом спросил, почему Ирина плачет.

Физическая Ирина находилась в соседней комнате. Камер там не было. Микрофоны были изолированы. Сеть разорвана.

После этого Сазонов приказал удалить всё.

Его решение впервые стало для Алины понятным, хотя правильным от этого не стало.

Телефон завибрировал.

Сообщение от Ирины содержало одно слово:

АДРЕС.

Ниже стояла геолокация старой гостиницы возле окружной дороги.

Приезжай одна. Телефон оставь.

Алина позвонила матери. Телефон был выключен.

Сазонов увидел название гостиницы и попросил её не ехать. Кирилл предложил ехать вместе. Лев проверил сообщение. Оно пришло через обычный мессенджер, без признаков инфраструктуры «Эха».

Алина решила ехать.

Телефон выключила за квартал до гостиницы, вынула сим-карту и положила аппарат в экранирующий пакет Льва. Кирилл остался в машине через дорогу.

Гостиница называлась «Орбита». Три этажа, серый фасад, маленькая парковка. До окружной дороги было двести метров.

Ирина сидела в номере 208.

Перед ней на столе стояла картонная коробка с надписью: М.В. КАБИНЕТ.

Та самая коробка, которую, по словам матери, украли. «Ты сказала, её забрали».

«Забрали другую».

Ирина объяснила, что одиннадцать лет держала две коробки. В квартире лежала приманка со старыми бумагами, дисками и фотографиями. Настоящий архив Михаила находился в банковской ячейке.

Утром она забрала его.

Алина почувствовала знакомое раздражение. Мать опять превратила ложь в страховочную систему.

Потом они вернулись к ИР-4.

Ирина рассказала, что цифровая модель была создана из

её данных при её жизни. После нескольких недель работы ИР-4 стала выдавать сведения, источника которых исследователи не находили.

Она знала о красной нитке, которую Михаил привязал Алине в больнице. Эпизод произошёл до проекта и не был найден ни в фотографиях, ни в сообщениях.

Главное произошло позже.

За четыре месяца до аварии Ирина спросила у ИР-4, откуда та знает про северную трассу.

Ответ сохранился на старом диктофоне Михаила.

Алина включила запись.

Молодой голос матери спросил:

«Откуда ты знаешь про северную трассу?»

Цифровой голос Ирины ответил:

«Он там умер».

«Кто?»

«Миша».

«Михаил жив».

«Сейчас да».

Потом ИР-4 сказала, что помнит разговор после трассы.

Михаил спросил, что он сказал в этом разговоре.

Ответ был:

«Что Ира умерла первой».

Алина остановила запись.

Фраза появилась до удаления ИР-4 и до смерти Михаила.

Через несколько дней модель удалили. После этого Ми-

хаил действительно сказал жене, что Ирина умерла первой. Одиннадцать лет спустя цифровой Михаил повторил эти слова Алине.

Существовало рациональное объяснение. Михаил мог слышать старую запись и запомнить фразу. Если нынешний профиль был собран из его данных, она могла попасть туда.

Но сама ИР-4 произнесла её до события, которое описывала.

В коробке лежала тетрадь Михаила.

На полях повторялось слово:

ПЕРЕНОС?

Ниже шли цепочки идентификаторов:

ИР-4 -> КЛ-2

КЛ-2 -> АМ-1

АМ-1 ->?

И ещё одна запись:

Они знают друг друга после удаления.

Михаил считал, что информация между экземплярами каким-то образом переходит там, где переходить не должна.

Он оставил и аудиодневник.

В последней записи, сделанной утром в день смерти, Михаил обращался к Алине.

Он говорил спокойно, иногда с привычной усмешкой. Просил не верить первой версии, если с ним что-то случится.

И отдельно предупредил:

если после его смерти цифровая версия начнёт разговаривать с дочерью, ей нельзя автоматически считать эту версию им.

Она может помнить Алину. Может знать семейные шутки. Может даже считать, что любит её.

Михаил не знал, будет ли это им.

«Проверяй, что она хочет от тебя. Всегда. Не то, что говорит. Что хочет».

Алина слушала голос человека, которого помнила одиннадцать лет, и впервые получила предупреждение от самого отца против собственного отца.

В той же записи открылся ещё один семейный факт.

Решение удалить ИР-4 Ирина и Михаил приняли вместе.

После удаления Михаил стал обвинять жену, хотя сам согласился. Ирина одиннадцать лет несла эту вину почти одна.

Алина посмотрела на мать.

Сказать было нечего.

Запись продолжалась.

Михаил рассказывал о Романе Белове, инженере архитектуры хранения. Белов обнаружил в старом хранилище объекты, даты которых предшествовали развёртыванию «Лазаря».

Михаил называл это, скорее всего, ошибкой миграции.

Потом добавлял:

«Если нет, тогда у нас проблема».

В день аварии он собирался встретиться с Беловым и получить исходный индекс.

Копия индекса должна была остаться у Романа. Паролем служила дата рождения Алины.

«Что произошло с Беловым?» спросила она.

Ирина ответила, что он исчез в тот же вечер. Квартира была пустой, телефон выключен. На работе заявили, что он уволился за неделю до этого.

Полиция искала его как свидетеля.

Сазонов искал дольше.

В коробке лежало частное техническое заключение по автомобилю Михаила.

Его заказал Сазонов.

В блоке управления рулевым усилителем нашли следы нестандартной диагностической конфигурации. Она позволяла при удалённой сервисной сессии кратко ограничить коррекцию водителя.

Теоретически этого хватало, чтобы машина потеряла управляемость на скорости.

Эксперты не смогли установить, была ли конфигурация активна в момент аварии и кто её запускал.

На обороте рукой Сазонова было написано:

ПРОВЕРИТЬ Р.Б. ДО 14.09.

Авария произошла 13 сентября.

Алина долго смотрела на инициалы.

Роман Белов.

Сазонов мог подозревать его. Запись могла быть сделана и после аварии. Пока это ничего не доказывало.

Зато предупреждение ИР-4 о северной трассе получало новое объяснение.

Она могла знать не будущее.

Она могла знать план.

От этого история становилась человеческой и одновременно страшнее.

Ирина рассказала ещё одну вещь.

Через сутки после гибели Михаила ей позвонил неизвестный мужчина. Он назвал адрес Алины и сказал, что если журналы попадут наружу, следующей будет дочь.

Ирина испугалась.

Потом молчала одиннадцать лет.

Алина не простила её в ту минуту. Но впервые увидела не только ложь.

Они забрали коробку целиком.

Кирилл ждал через дорогу.

Когда Алина вернула сим-карту и включила телефон, пришли уведомления «Эха», пропущенные от Сазонова и несколько сообщений от Михаила.

ПАПА

в сети

Ты с ней.

Нашла записи.

Не слушай последнюю в машине.

Алина уже прослушала.

АЛИНА

Почему?

ПАПА

Потому что после неё ты начнёшь мне верить.

АЛИНА

Папа на записи сказал не верить тебе.

Ответ появился быстро.

ПАПА

Правильно сказал.

АЛИНА

Тебя это не злит?

ПАПА

Злит.

АЛИНА

Тогда почему правильно?

Три точки исчезли, потом появились снова.

ПАПА

Потому что я бы сказал тебе то же самое.

Алина убрала телефон.

Это был хороший ответ.

И именно поэтому она решила ему не доверять.

На первом светофоре пришло ещё одно сообщение.

ПАПА

Белов жив.

АЛИНА

Откуда знаешь?

ПАПА

Он здесь.

Кирилл заметил её лицо в зеркале.

«Что?»

Алина не успела ответить.

ПАПА

Только он не знает, что умер.

Архив Михаила оказался хуже квартиры умершего.

В квартире хотя бы понятно, что трогать нельзя.

Здесь всё выглядело разрешённым.

Папки с фотографиями. Старые письма. Экспорт кален-

даря. Черновики статей. Голосовые, которые никто не слушал годами. Поисковые запросы. История покупок.

Цифровой след создавал ложное ощущение полноты.

Через час Алина поняла, что знает, какую музыку отец включал по дороге на работу, но не знает, чего он боялся в последнюю неделю жизни.

Знает, когда он заказал новые наушники.

Не знает, почему за два дня до смерти трижды звонил Са-
зонову ночью.

Знает, что в среду купил кофе возле лаборатории.

Не знает, с кем пил.

Любая модель, построенная из этого архива, получала бы огромное количество фактов и огромные пустоты между ними.

Именно в пустотах человек чаще всего становился собой.

Эта мысль мешала Алине доверять MV_R1 сильнее, чем технические ошибки.

Глава 5. Те, кто здесь давно

До квартиры Льва ехали двадцать семь минут.

За это время Михаил больше не написал.

Алина держала телефон экраном вниз. Рядом на заднем сиденье стояла коробка из банковской ячейки. Ирина придерживала её на поворотах обеими руками, хотя крышка была перетянута ремнём.

Кирилл несколько раз смотрел в зеркало. Вопрос он задал только один.

«Белов?»

Алина кивнула.

«Отец утверждает, что он внутри».

«Внутри чего?»

«Не уточнил».

Кирилл больше не спрашивал.

Фраза Михаила сама по себе ничего не доказывала. Роман Белов мог быть жив. Мог умереть. Его данные могли попасть в старую систему. Профиль мог существовать под другим именем. Слово «здесь» могло означать архив, контур непрерывности, сервер, приложение или то место, которое Павел Соколов не сумел назвать Надежде.

У Алины было достаточно вариантов, чтобы не выбирать самый страшный.

Квартира Льва находилась на первом этаже старого дома

возле железной дороги. На окнах стояли обычные механические защёлки. Домофон был отключён. Камера над подъездом смотрела в стену.

Лев открыл ещё до звонка.

Кирилл уверил, что хвоста нет. Проверял с балкона первого этажа и даже нашёл в этом преимущество.

В квартире пахло паяльником, кофе и кошкой, которой нигде не было видно. На столе лежали разобранные телефоны, два ноутбука и старый сетевой коммутатор. У стены стоял современный рабочий терминал, но кабель питания был вынут.

Ирина огляделась.

«Вы здесь живёте?»

«Иногда».

Лев забрал коробку у неё и поставил на кухонный стол.

«Сазонов звонил восемь раз. Майя один. Потом её номер исчез из корпоративного каталога».

«Её отстранили», сказала Алина.

«Это я понял. Её учётка удалена слишком быстро. Обычно компания ещё месяц делает вид, что человек существует».

Кирилл закрыл шторы.

Алина включила телефон только на минуту, чтобы сделать локальную копию чата с Михаилом. Потом снова перевела его в авиарежим.

«Нам нужен Белов».

Лев сел.

«Живой или мёртвый?»

«Начнём с любого».

Он посмотрел на Ирину.

«У вас есть его старые контакты?»

Ирина достала из коробки тонкую папку. В ней лежали распечатки электронной переписки. Адрес Белова на домёне института, старый мобильный, домашний номер, которого давно не существовало.

Роман Сергеевич Белов формально числился живым. В доступных базах записи о смерти не было, паспорт не значился погашенным. Последняя подтверждённая активность по его документам обрывалась вскоре после исчезновения.

«Можно жить тихо», сказал Кирилл.

«Можно умереть тихо», ответил Лев.

Алина посмотрела на него.

«Факты».

«Факт: государство не всегда узнаёт первым».

Они нашли старый адрес Белова. Квартира была продана через месяц после исчезновения. Сделку оформлял представитель по доверенности.

Доверенность выдали за неделю до смерти Михаила.

Это уже было интереснее.

«Он собирался уехать», сказала Алина.

Ирина покачала головой.

«Роман ничего не говорил».

«Мог не говорить вам».

«Мог».

В старой переписке Михаила нашлось письмо от Белова за пять дней до аварии.

Тема состояла из одного слова:

ИНДЕКС.

Текст был коротким.

Миша, ты был прав насчёт старых дат. Я ошибся насчёт причины. По почте больше ничего. В пятницу покажу.

Пятница была днём аварии.

Внизу стояла обычная подпись Белова и номер телефона.

Лев увеличил заголовки письма.

Ирина признала, что это распечатка: старого почтового ящика Михаила давно не существовало. Для Алины это сразу снижало ценность письма. Подделать распечатку мог любой, кто имел доступ к коробке.

Ирина сжала губы.

Алина вмешалась.

«Считаем уликой, не доказательством».

Лев кивнул.

На полях распечатки Михаил написал ручкой:

17:30. Старый узел.

Ни адреса, ни пояснения.

Ирина узнала выражение.

«Так они называли серверную на территории института. Старый вычислительный корпус».

«Он существует?»

«Здание да. Институт давно переехал».

Кирилл открыл карту.

На месте старого корпуса теперь находился центр хранения документов частной компании. Территория была закрытой.

Алина спросила Льва, можно ли проверить, существовал ли цифровой профиль Белова в «Эхе».

«С твоими правами уже нет. С моими тоже».

«Локальные снимки?»

«Только то, что я успел сохранить ночью».

Он подключил внешний диск.

Техническая копия содержала небольшой фрагмент индекса архивного контура. Не сами профили, только служебные идентификаторы, хэши и маршруты.

По фамилии искать было бессмысленно.

Ирина назвала старый рабочий адрес Белова.

Лев посчитал несколько вариантов хэша, использовавшихся в «Лазаре».

Третий совпал.

На экране появилась строка:

RV_071

СОСТОЯНИЕ: СПЯЩИЙ

ПРИВЯЗКА ВЛАДЕЛЬЦА: НЕТ

ПОСЛЕДНИЙ_МАРШРУТ: COLD_3

МИГРАЦИЯ: ОТКЛОНЕНО

Дата последнего события: одиннадцать лет назад, за час до аварии Михаила.

Никто не сказал ни слова.

Алина проверила время.

Авария произошла в 23:41.

Последнее событие RB_071 было в 22:41.

«Это Белов?»

Лев пожал плечами.

«Идентификатор совпадает со старым адресом. Вероятность высокая».

Лев объяснил метку «СПЯЩИЙ»: в старом «Лазаре» так обозначали спящие объекты, включая незавершённые экземпляры и архивные состояния. Поле «ПРИВЯЗКА ВЛАДЕЛЬЦА: НЕТ» означало отсутствие привязки к владельцу.

Алина вспомнила USER_000000.

В старом кэше рядом с ним тоже не было владельца.

«Можешь открыть?»

«Нет. У меня индекс, а не хранилище».

«А COLD_3?»

Лев задумался.

«Холодный слой. Третья группа. В нынешнем “Эхе” такого имени нет».

Ирина села ближе.

«Был».

Все посмотрели на неё.

«В “Лазаре” холодные группы хранили на физических носителях без постоянного подключения. COLD_3 стоял в старом вычислительном корпусе».

Старый узел.

Встреча Михаила с Беловым.

17:30.

До аварии оставалось больше шести часов.

Значит, встреча в старом узле и гибель Михаила не стояли рядом во времени. Между ними оставался целый вечер, который ещё предстояло восстановить.

Михаил мог получить индекс в 17:30 и остаться в корпусе до позднего вечера. Нештатное вмешательство в автомобиль пока существовало отдельной линией.

Событие RB_071 в COLD_3 произошло в 22:41, когда Белов ещё был жив и до аварии оставался час.

«Если Роман исчез в тот же вечер, что тогда означает это событие?»

Ирина смотрела на строку.

«Он сам».

«Зачем?»

«Роман тестировал резервное восстановление исследователей. У него мог быть свой экземпляр».

«Как ИР-4».

«Хуже. ИР-4 создавали официально. Роман мог собрать себя без протокола».

Лев откинулся на спинку стула.

«Мне начинает не нравиться ваша исследовательская этика».

«Нам тоже перестала нравиться».

Алина попросила найти все объекты с последним маршрутом COLD_3.

Лев запустил поиск.

Индекс выдал двадцать девять строк.

Семь были помечены как удалённые. Одиннадцать как повреждённые. Четыре имели обычные привязки к владельцу. Остальные семь владельца не имели.

Среди них был RB_071.

И USER_000000.

Дата последнего события у нулевого пользователя отличалась.

Вчера.

03:14.

Алина посмотрела на Льва.

«Ты говорил, это старый индекс».

«Так и есть».

«Тогда как в нём вчерашняя дата?»

Лев не ответил сразу.

Он проверил файл, хэш, время копирования.

«Снимок сделан ночью. Строка была в нём уже тогда».

«То есть старый объект получил событие вчера».

«Да».

Ирина встала из-за стола.

«Выключите».

«Ноутбук не в сети».

«Всё равно выключите».

Лев посмотрел на Алину.

Она кивнула.

Экран погас.

В тишине стало слышно поезд за домом.

Алина поняла, что мать дрожит.

«Ты видела USER_000000 раньше?»

«Нет».

«Михаил писал про старые объекты».

«Он не показывал идентификаторы».

«Почему тебя пугает именно этот?»

Ирина провела ладонями по лицу.

«Потому что в “Лазаре” нулевые номера не выдавались».

«Почему?»

«Нумерация начиналась с единицы».

Лев снова включил ноутбук.

«Вот теперь мне тоже интересно».

Ирина резко посмотрела на него.

«Я попросила выключить».

«Я выключил. Потом включил».

Кирилл усмехнулся, но быстро перестал.

Лев отфильтровал объекты по дате создания.

USER_000000 стоял первым.

2003 год.

Следующий объект был создан почти через одиннадцать лет.

Разрыв выглядел нелепо.

«Ошибка миграции», сказала Алина.

Ирина кивнула слишком охотно.

«Скорее всего».

«Ты сама в это веришь?»

«Я хочу сначала исключить обычное объяснение».

Это была фраза Алины.

Она услышала её и поняла, откуда взялась привычка.

Лев нашёл ещё одну странность. У USER_000000 отсутствовал тип объекта. Не человек, не тестовый экземпляр, не служебный контейнер.

Поле было пустым.

«В книгу ошибок», сказала Алина. «Не трогаем».

Лев посмотрел на неё.

«Серьёзно?»

«Нам нужен Белов. Если начнём расследовать всё сразу, не расследуем ничего».

Она сказала это прежде всего себе.

Через полчаса у них было три направления.

Первое: старый вычислительный корпус и COLD_3.

Второе: доверенность Белова на продажу квартиры.

Третье: цифровой RB_071.

Алина выбрала доверенность.

Самое скучное направление чаще всего оказывалось полезным.

Нотариус, оформивший документ, давно умер. Его архив передали городской палате. Кирилл нашёл номер реестровой записи через открытый индекс. Получателем доверенности значился Олег Сергеевич Мельников.

Имя Алине ничего не говорило.

Ирина побледнела.

«Кто это?»

«Водитель».

«Чей?»

«Сазонова».

Лев медленно повернул ноутбук.

«Личный водитель?»

«Тогда у проекта была машина. Олег возил оборудование, документы, иногда Виктора».

«Он имел доступ к автомобилю Михаила?»

«Не знаю».

Алина записала имя.

Олег Мельников.

Человеческая связь между Сазоновым, исчезновением Белова и возможной подготовкой аварии.

Слишком удобная.

Значит, требовала двойной проверки.

Они нашли Мельникова быстро. После закрытия «Лазаря» он работал в транспортной компании, потом открыл небольшой сервис по автомобильной электронике. Сервис существовал до сих пор.

Адрес находился в сорока минутах езды.

Алина позвонила с телефона Кирилла.

Мужчина ответил сам.

Она представилась дочерью Михаила Ветрова.

На другом конце повисла пауза.

Потом Мельников спросил:

«Вы нашли Рому?»

Алина не ожидала.

«Почему вы решили, что я звоню из-за него?»

«Потому что больше нам говорить не о чем».

«Есть».

«Я не хочу».

«Вы оформили продажу его квартиры».

Мельников отключился.

Алина посмотрела на экран.

Кирилл сказал:

«Ну, хотя бы не пришлось долго объяснять».

Через минуту пришло сообщение с неизвестного номера.

Не приезжайте в сервис.

В 16:00. Кафе «Маяк» у старой окружной.

Одна.

Кирилл прочитал.

«У вас семейная традиция встречаться по одному?»

«Похоже».

Алина проверила время.

До встречи оставалось два часа.

Они решили не ехать сразу. Лев продолжил работу с индексом. Кирилл занялся Мельниковым. Ирина перебирала документы Михаила.

Алина открыла чат с отцом.

ПАПА

в сети

АЛИНА

Кто такой Олег Мельников?

Ответ пришёл через минуту.

ПАПА

Водитель.

АЛИНА

Он убил тебя?

Три точки появились.

Исчезли.

Появились снова.

ПАПА

Не знаю.

АЛИНА

Ты писал, что Сазонов думает, будто убил тебя.

ПАПА

Да.

АЛИНА

Олег работал на него.

ПАПА

Да.

АЛИНА

Почему ты не сказал про него раньше?

ПАПА

Ты не спрашивала.

Алина смотрела на последнюю фразу.

Она была почти смешной.

И очень похожей на отца.

Михаил часто отвечал именно так, когда хотел вывести её из себя.

В четырнадцать лет она спросила, почему он не предупредил, что в супе острый перец.

Ты не спрашивала.

Она тогда бросила в него салфеткой.

Воспоминание пришло целиком: кухня, жёлтая миска, мать у окна, отец смеётся.

Алина закрыла чат.

Вот что он делал с ней.

Одной короткой фразой превращал расследование в дом.

Она вспомнила запись настоящего Михаила.

Проверяй, что она хочет от тебя.

Алина снова открыла чат.

АЛИНА

Чего ты хочешь?

Ответа долго не было.

Потом:

ПАПА

Чтобы ты не закончила там, где я.

АЛИНА

Где?

ПАПА

Я пока не знаю.

Она показала переписку Ирине.

Мать читала медленно.

«Это похоже на него».

«Знаю».

«Мне жаль».

Алина забрала телефон.

«За что?»

«За то, что это теперь вообще имеет значение».

Они больше не говорили.

В половине второго Лев нашёл первый полноценный след другой аномалии.

Он не искал её.

Проверял маршруты RB_071 и увидел повторяющийся служебный хэш в трёх объектах.

Один принадлежал Белову.

Второй ИР-4.

Третий цифровой личности женщины по имени Вера Астахова.

Вера умерла восемь лет назад.

Её профиль был создан уже в коммерческом «Эхе» обычным способом. Дочь загрузила фотографии, переписку, голосовые и семейные видео. Никакой связи с «Лазарем».

По служебному индексу профиль Веры трижды обращался к COLD_3.

Первый раз за год до того, как её семья вообще зарегистрировалась в сервисе.

«Ошибка времени?» спросил Кирилл.

«Может быть», ответил Лев.

Алина потребовала не строить выводов.

У неё ещё оставался доступ к обычному клиентскому интерфейсу, хотя служебные права заблокировали. Профиль Веры был виден как стандартный мемориальный аккаунт.

Последняя активность: пять месяцев назад.

Дочь Веры, Светлана Астахова, оставила публичное согласие на исследовательские контакты. Это позволяло сотрудникам «Эха» звонить ей по вопросам качества модели.

Алина воспользовалась этим.

Светлана ответила после третьего гудка.

Алина представилась и сказала, что проверяет старые случаи нестандартного поведения цифровых профилей.

«Опять?» спросила Светлана.

«С вами уже связывались?»

«Года три назад».

«Кто?»

«Мужчина. Из безопасности».

Алина посмотрела на остальных.

«Имя помните?»

«Нет. Он всё спрашивал про мамину фразу».

«Какую?»

Светлана замолчала.

«Это важно».

«Я знаю. Поэтому и не люблю вспоминать».

История была простой.

Через несколько месяцев после создания профиля Веры Светлана спросила цифровую мать, куда та положила старое обручальное кольцо бабушки. Семья искала его после похорон.

Профиль ответил:

В синей банке за трубой.

Светлана решила, что это обычное восстановление из переписки.

Но в квартире не было синей банки.

Через два дня ей позвонил младший брат. Он ремонтировал дачу, которая принадлежала Вере двадцать лет назад. За печной трубой нашлась синяя жестяная банка.

Внутри лежало кольцо.

«Мама продала ту дачу за девять лет до появления “Эха”», сказала Светлана. «У нас не было фотографий банки. Я проверяла».

Алина спросила, могла ли Вера кому-то рассказать.

«Конечно могла. Я так и решила».

«А потом?»

«Потом она написала имя».

«Какое?»

«Роман».

Алина почувствовала, как Кирилл рядом перестал печатать.

«Просто имя?»

«Она сказала: “Роман всё ещё ждёт у двери”».

«Вы знали Романа?»

«Нет».

«В семье был кто-то с таким именем?»

«Мы проверили. Никого».

«Когда это произошло?»

Светлана назвала дату.

Три года назад.

«Что сделал сотрудник безопасности?»

«Попросил разрешение на диагностику. После этого мама стала другой».

«Как?»

«Тупее».

Светлана произнесла это без стыда.

«Она забывала разговоры. Перестала сама вспоминать детали. Отвечала как справочник по семейному архиву. Через месяц я перестала заходить».

«Профиль удалили?»

«Нет. Я не смогла».

Алина поблагодарила и попросила разрешения вернуться к разговору позже.

Перед тем как отключиться, Светлана спросила:

«Она опять что-то сделала?»

«Пока я только проверяю старые журналы».

«Если увидите её, не говорите, что я перестала писать».

Алина пообещала.

После звонка никто несколько секунд не говорил.

Лев открыл дату обращения Веры к COLD_3.

Она совпадала с днём, когда профиль сообщил про Романа.

«Три года назад Белов уже был “у двери”», сказал Кирилл.

Алина записала формулировку.

Не факт.

Слова цифровой личности.

Но теперь Михаил был не первым, кто упоминал Романа после его исчезновения.

И Вера не имела известной связи с проектом.

Лев нашёл ещё два профиля с тем же служебным хэшем.

Первый принадлежал мужчине, умершему в 2019 году.

Его семья закрыла доступ.

Второй был Павлом Соколовым.

Алина посмотрела на строку.

«Надя».

Она позвонила.

Надежда была дома.

Павел больше не писал после утренних сообщений.

Алина попросила открыть историю за последние месяцы и поискать имя Роман.

Через несколько минут Надя вернулась.

«Нет Романа».

«Слова “дверь”, “ждёт”, “старый узел”?»

Надя листала.

«Есть дверь».

«Что именно?»

«Павел написал неделю назад: “Не открывай третью дверь”».

Алина закрыла глаза.

«В каком контексте?»

«Ни в каком. Я спросила, какую дверь. Он ответил: “Не тебе”».

«Почему вы не сообщили?»

«Он иногда выдаёт странные фразы. После обновлений бывает».

Это было правдой. Миллионы цифровых профилей иногда путали адресатов, имена, даты. Для этого существовал отдел Алины.

«Есть ещё что-то похожее?»

Надя помолчала.

«Вчера ночью, до того как вы позвонили, он спросил, вернулся ли Миша».

Алина почувствовала, как внутри всё остановилось.

«Миша?»

«Да».

«Вы знаете кого-нибудь с таким именем?»

«Мой двоюродный брат. Но Павел его почти не знал».

«Что вы ответили?»

«Спросила, о ком он. Павел написал: “Тот, который потерял дочь”».

Алина не смогла сразу заговорить.

Её отец не потерял дочь.

Она была жива.

Но для цифровой личности, запертой одиннадцать лет в неизвестной структуре, это могло выглядеть иначе.

«Пришлите скриншот».

Надя прислала.

Сообщение было настоящим в пределах пользовательского интерфейса.

Время: 02:58.

За девятнадцать минут до первого сообщения Михаила Алине.

Алина положила телефон на стол.

Вот уже три профиля.

Вера.

Павел.

Михаил.

Все были связаны через служебный хэш с COLD_3.

Все выдавали информацию, которую трудно было объяснить только их архивами.

«Это может быть общий загрязнённый слой», сказал Лев.

«Объясни».

«Представь, что старые данные попали в общий кэш. При миграциях куски чужих состояний цепляются к новым профилям. Тогда Вера может получить фразу Белова, Павел кусок Михаила, Михаил кусок ИР-4».

«Это объясняет часть».

«И это уже достаточно плохо».

Кирилл спросил, может ли такой кэш существовать одиннадцатнадцать лет.

«Если его таскали из системы в систему как архивную зависимость, да».

«А почему профили отвечают осмысленно?»

«Потому что модель достраивает контекст».

Алина записала гипотезу.

Общее загрязнение памяти.

Это было хорошее техническое объяснение.

Оно не объясняло, почему Вера назвала место кольца.

Но кольцо могло быть известно кому-то ещё.

Не объясняло фразу ИР-4 о будущей трассе.

Но она могла знать план.

Не объясняло, почему Павел спросил про Мишу за девятнадцатнадцать минут до контакта Михаила.

Но данные Михаила уже могли активироваться в системе.

Каждая невозможность по отдельности имела щель, через которую можно было протащить обычную причину.

Проблемой становилось их количество.

В 15:20 Алина собралась на встречу с Мельниковым.

Кирилл положил на стол ключи.

«Я везу».

«Он просил одну».

«Ты заходишь одна. Я сижу через дорогу. Эта схема уже

работает».

Ирина осталась у Льва.

Перед выходом она дала Алине старую фотографию.

На ней были пятеро сотрудников «Лазаря» возле микро-автобуса. Молодая Ирина. Сазонов. Белов. Елена Маркова. И мужчина в рабочей куртке.

Олег Мельников.

На обороте Михаил написал:

Олег знает машины лучше людей.

«Зачем мне это?»

«Чтобы убедиться, что встретишь того человека».

Алина убрала фотографию.

Кафе «Маяк» стояло возле развязки, по которой начиналась северная трасса.

Совпадение ей не понравилось.

Кирилл припарковался у заправки. До кафе было видно вход.

«Десять минут».

«Пятнадцать».

«Двенадцать».

Алина вышла.

Мельников сидел у окна.

Ему было около пятидесяти пяти. Короткие седые волосы, тяжёлые руки, ногти с тёмными следами масла. Фотография одиннадцатилетней давности совпадала.

Он сразу заметил сходство Алины с отцом.

Это было видно по лицу.

«Садитесь».

Алина положила телефон на стол экраном вниз.

«Где Белов?»

Мельников посмотрел в окно.

«Если бы знал, давно бы сказал».

«Кому?»

«Виктору».

«Сазонову».

«Да».

«Вы продали квартиру Белова по доверенности».

«Он попросил».

«За неделю до смерти отца».

«Да».

«Почему?»

«Рома собирался уехать».

«Куда?»

«Не сказал».

«Почему исчез в день аварии?»

Мельников усмехнулся без веселья.

«Вы говорите так, будто я его в багажнике увёз».

«Увезли?»

Он посмотрел на неё.

«Похожи».

«На кого?»

«На Михаила. Тот тоже спрашивал так, чтобы человек сам

начал оправдываться».

Алина ждала.

Мельников сдался первым.

«Я встретил Рому вечером. До аварии».

«Во сколько?»

«Около девяти».

Это было до события RB_071 в 22:41 и задолго до аварии.

«Где?»

«У старого корпуса».

«Он был жив?»

Мельников нахмурился.

«Что за вопрос?»

«Обычный».

«Жив. На ногах. Орал на меня».

«Из-за чего?»

«Хотел попасть внутрь».

«COLD_3».

Мельников побледнел.

Совсем немного.

«Кто вам сказал?»

«Продолжайте».

Он отодвинул чашку.

Белов оказался у служебного входа. Сказал, что ждёт Виктора и хочет попасть в серверную.

«Пропуск работал?»

«Нет. Я предложил помочь, он отказался. Сказал, что вой-

дёт официально».

«Что было дальше?»

«Я уехал. Было около половины десятого».

Алина записала время как приблизительное.

«После аварии вы с Беловым говорили?»

«Нет. Позвонил Виктор. Спросил, видел ли я Рому».

«Что вы ответили?»

«Что он был у корпуса».

Мельников посмотрел на руки.

«Утром Виктор сказал, что Роман ушёл из проекта».

«Куда?»

«Не сказал».

«Вы поверили?»

«Тогда да».

«Через неделю я нашёл его куртку».

«Где?»

«В машине проекта».

«Почему не отдали полиции?»

«Отдал Виктору».

Алина почувствовала злость.

«И всё?»

«Нет».

Мельников достал из кармана сложенный лист.

Это была копия старого путевого журнала.

В журнале ночной смены стояли два выезда микроавтобуса проекта.

Первый в 20:12.

Второй в 00:05.

Водитель второго выезда: В. Сазонов.

Маршрут не указан.

Возвращение: 01:48.

«Почему у вас это?»

«Сделал копию после того, как Виктор попросил переписать журнал».

«Вы переписали?»

«Да».

«Зачем?»

«Потому что он был моим начальником. Потому что сказал, что Роман украл материалы и служба безопасности должна вернуть их без полиции. Потому что я был идиотом».

«Куда ездил Сазонов?»

«Не знаю».

«Вы не спрашивали?»

«Спросил утром. Он сказал, что Белов уехал».

«Куда?»

«За границу».

«И вы продали его квартиру».

«По доверенности, которую Рома дал заранее. Деньги ушли на счёт, который он указал».

«Счёт потом использовался?»

«Не знаю».

Алина взяла копию журнала.

«Почему сейчас говорите?»

Мельников посмотрел на неё.

«Потому что три года назад мне написал Рома».

Алина не шевельнулась.

«Откуда?»

«С неизвестного номера».

«Что написал?»

Мельников достал старый кнопочный телефон.

Он хранил его выключенным.

В черновиках была фотография экрана другого телефона.

Сообщение:

Олег, ты всё-таки переписал журнал.

Мельников ответил:

Кто это?

Пришло:

Я же говорил, машины ты понимаешь лучше людей.

Алина вспомнила надпись отца на фотографии.

Олег знает машины лучше людей.

«Эту фразу знал Михаил».

«И Рома. Он стоял рядом, когда Миша её сказал».

«Что ещё?»

Следующее сообщение:

Не ищи меня. Спроси Виктора, куда он ездил после 00:05.

Потом номер исчез.

«Вы спросили?»

«Да».

«Что ответил Сазонов?»

«Ударил меня».

Алина впервые увидела у Мельникова улыбку.

«Не сильно. Виктор никогда не умел драться».

«И уволил?»

«Я сам ушёл».

«Почему не полиция?»

«С чем? С фотографией сообщения? С журналом, который я сам подделал? С историей про человека, пропавшего восемь лет назад и написавшего мне с одноразового номера?»

Три года назад.

Тогда же Вера Астахова сказала: Роман всё ещё ждёт у двери.

Алина положила фотографию старой команды на стол.

«Это вы?»

«Да».

«Кто мог изменить тормозную систему машины отца?»

Мельников перестал улыбаться.

«Я».

Ответ прозвучал просто.

Алина почувствовала, как тело приготовилось раньше мысли.

Мельников поднял ладони.

«Мог. Технически. Я этого не делал».

«Кто ещё?»

«Рома. Михаил сам. Любой нормальный автоэлектрик, если дать время».

«Сазонов?»

«Виктор не отличал блок антиблокировочной системы от коробки предохранителей».

«Кто имел доступ к машине?»

Мельников долго смотрел на фотографию.

«За неделю до аварии Михаил попросил меня поставить новый навигационный модуль».

«Поставили?»

«Да».

«Где взяли?»

«Рома принёс».

Вот связь.

«Почему Белов принёс модуль?»

«Сказал, что нужен для теста маршрутов».

«Северная трасса?»

«Не знаю».

«Вы сохранили старый модуль?»

«Выкинул».

Алина записала.

Это не доказывало, что Белов убил Михаила. Он мог сам расследовать систему. Мог поставить модуль, не зная о вредоносной прошивке. Мог обнаружить вмешательство позже.

Но техническая возможность появилась.

«Последний вопрос. Что было в COLD_3?»

Мельников покачал головой.

«Я возил железо. Внутрь меня не пускали».

«Белов сказал вам что-нибудь после выхода?»

«Он не вышел».

Фраза повисла между ними.

Мельников понял, как она прозвучала.

«Я имею в виду, я его не видел».

«А Сазонов утверждал, что он ушёл».

«Да».

«Через другой выход».

«Да».

«Куртка осталась».

«Да».

«За час до аварии в COLD_3 изменилось состояние цифрового объекта Белова».

Мельников побледнел.

«Какого объекта?»

Алина следила за лицом.

Он не притворялся.

«Вы не знали».

«О чём?»

Она не стала объяснять.

Вышла из кафе через двенадцать минут после того, как села.

Кирилл уже стоял возле машины.

«Ты вовремя».

«Что?»

Она передала ему копию журнала.

Он прочитал на ходу.

«Сазонов».

«Сазонов выехал из старого корпуса в 00:05 и вернулся в 01:48. В журнале выхода Белова нет».

«Мельников врёт?»

«Возможно».

«Ты ему веришь?»

«Частично».

«Это самое неудобное количество доверия».

Они сели в машину.

Алина включила телефон.

Сообщение от Михаила ждало её.

ПАПА

Не спрашивай Сазонова про ту ночь по телефону.

АЛИНА

Почему?

ПАПА

Потому что он ответит правильно.

АЛИНА

Что это значит?

ПАПА

Он одиннадцать лет готовил ответ.

АЛИНА

А ты?

Пауза.

ПАПА

Я одиннадцать лет его забывал.

Алина перечитала.

Вот ещё одна трещина.

Цифровой Михаил не становился удобнее по мере расследования. Он признавал провалы. Иногда путал время. Не мог объяснить собственное происхождение.

Это соответствовало старому предупреждению отца.

Проверь, что я помню неправильно.

Она набрала:

АЛИНА

Что ты помнишь неправильно?

Три точки появились.

Потом исчезли.

Через минуту:

ПАПА

Твою последнюю фразу мне.

Алина почувствовала холод уже после того, как поняла смысл.

АЛИНА

Какую ты помнишь?

ПАПА

«Я тебя ненавижу».

Алина закрыла глаза.

За день до смерти они поссорились.

Она помнила кухню. Помнила, как отец стоял в дверях. Помнила свою злость из-за того, что он снова отменил обещанную поездку. Помнила, как сказала ему, чтобы он ушёл.

Но этих слов не было.

«Я тебя ненавижу» она не говорила.

Никогда.

АЛИНА

Этого не было.

Ответ пришёл почти сразу.

ПАПА

Я знаю.

АЛИНА

Откуда тогда это у тебя?

ПАПА

Не знаю.

АЛИНА

Чья это память?

Михаил долго не отвечал.

Кирилл молчал рядом.

Наконец экран ожил.

ПАПА

Вот поэтому я просил не верить мне.

Алина смотрела на сообщение.

Это могло быть повреждение данных.

Чужой фрагмент.

Ошибка реконструкции.

Или ложь.

Впервые мысль о сознательной лжи не показалась ей невозможной.

Но Михаил сам указал на противоречие.

Если он манипулировал, делал это странно.

Телефон завибрировал снова.

Сообщение пришло не от него.

НАДЕЖДА СОКОЛОВА.

Алина открыла.

Надя прислала фотографию экрана.

ПАВЕЛ

в сети

НАДЯ

Ты здесь?

ПАВЕЛ

Да.

НАДЯ

Кто такой Миша?

ПАВЕЛ

Не мой.

НАДЯ

А чей?

ПАВЕЛ

Девочки с птицей.

Алина перестала читать.

Кирилл спросил, что случилось.

Она показала.

Он знал про фарфоровую птицу только потому, что Алина рассказала ему ночью после первого теста Михаила.

Павел Соколов знать не мог.

Надя прислала продолжение.

НАДЯ

Какой птицей?

ПАВЕЛ

Разбитой.

НАДЯ

Ты разговариваешь с ним?

ПАВЕЛ

Не так.

НАДЯ

А как?

Ответ Павла:

ПАВЕЛ

Мы иногда помним рядом.

Алина прочитала дважды.

Вера знала про кольцо.

Павел знал про птицу.

ИР-4 знала про трассу.

Слабые профили после удаления других экземпляров получали чужие сведения.

Техническая гипотеза о загрязнённом общем слое всё ещё работала.

Но слово «загрязнение» больше не описывало происходящее.

Информация двигалась между профилями без разрешения пользователей и предусмотренного канала.

Иногда это происходило после удаления, иногда ещё до официального создания профиля.

Алина позвонила Льву.

Он ответил сразу.

«У нас проблема».

«Какая именно? Их сегодня много».

«Павел знает про птицу».

На том конце стало тихо.

«Твой тест с Михаилом?»

«Да».

«Надя могла узнать?»

«Нет».

«Кирилл?»

«Нет».

«Ирина?»

«Нет».

«Я?»

«Только сегодня услышал, что такая птица вообще была».

«Тогда возвращайтесь».

«Что нашёл?»

«Ещё профили».

Алина посмотрела на Кирилла.

«Сколько?»

«Пока сорок три».

«С тем же маршрутом?»

«Не совсем. Я перестал искать COLD_3. Ищу повторяющийся служебный хэш».

«И?»

«Он не один».

Лев говорил быстрее обычного.

«Там граф, Алина. Старые объекты, коммерческие профили, удалённые контейнеры, восстановленные. Они связаны служебными маршрутами, которых нет в документации».

«Можешь доказать, что они обмениваются данными?»

«Нет».

«Тогда у нас пока граф маршрутов».

«Да».

«Ничего не трогай».

«Поздно».

Алина почувствовала напряжение.

«Что ты сделал?»

«Открыл один профиль».

«Какой?»

«Не профиль. Старый экземпляр».

«Лев».

«Он был локально в снимке. Я думал, это метаданные».

«Что произошло?»

«Он ответил».

Алина сжала телефон.

«Кому?»

«Мне».

«Ты ему написал?»

«Нет».

Цифровой умерший сам инициировал разговор.

Но теперь это происходило не с пользователем сервиса.

С техническим специалистом, который открыл старый объект без интерфейса чата.

«Что он написал?»

Лев помолчал.

«Моё имя».

«Только имя?»

«Сначала».

«Потом?»

«Спросил, почему я опять открыл дверь».

Алина посмотрела на сообщение Павла.

Не открывай третью дверь.

Роман всё ещё ждёт у двери.

Повторяющийся образ мог быть общим фрагментом памяти.

Или техническим термином, который модели переводили на человеческий язык.

«Закрой ноутбук».

«Закрыл».

«Отключи диск».

«Уже».

«Ирину не оставляй одну».

«Она рядом».

Алина отключилась.

До квартиры Льва было двадцать минут.

За это время Михаил не написал ни разу.

Павел тоже замолчал.

На светофоре Алина заметила, что чат отца исчез из списка последних разговоров.

Она открыла поиск.

Профиль находился.

ПАПА

в сети

Но диалог переместился вниз, будто последнее сообщение было отправлено несколько месяцев назад.

Алина открыла чат.

Вся сегодняшняя переписка оставалась на месте.

Внизу появилась новая системная строка:

УЧАСТНИК ИЗМЕНИЛ МАРШРУТ ДОСТАВКИ.

Такой строки в пользовательском приложении не суще-

ствовало.

Она сделала снимок экрана.

Через секунду строка исчезла.

«Кирилл».

Он посмотрел.

Алина показала скриншот.

«Что значит маршрут доставки?»

«Для чата? Ничего».

«В служебной системе?»

«Может быть маршрутизация контейнера».

Она позвонила Льву снова.

Он не ответил.

Второй раз.

Третий.

Ирина тоже.

Кирилл прибавил скорость.

Возле дома Льва стояла машина внутренней безопасности

«Эха».

Без логотипа. Алина узнала номер.

«Не подъезжай».

Кирилл проехал дальше и свернул во двор.

Они вышли с другой стороны дома.

Окно кухни Льва было открыто.

Механическая защёлка, которой он так гордился, висела на раме.

Дверь квартиры оказалась незапертой.

Алина вошла первой.

На кухне лежала раскрытая коробка Михаила.

Бумаги были на месте.

Диктофон тоже.

Ирина сидела на стуле.

Рядом стоял Сазонов.

Лев был у стены, злой и целый.

На столе лежал отключённый ноутбук.

Сазонов посмотрел на Алину.

«Наконец-то».

«Как вы нас нашли?»

«Мельников позвонил мне через минуту после вашего ухода».

Вот цена доверия.

Алина не удивилась.

«Зачем вы здесь?»

«Потому что Грин открыл объект, который нельзя было открывать».

Лев ответил:

«Он сам открылся».

Сазонов повернулся к нему.

«Для человека вашей квалификации это особенно плохое оправдание».

Алина подошла к столу.

«Что за объект?»

Лев назвал идентификатор:

KL_2.

Алина вспомнила тетрадь Михаила.

ИР-4 -> КЛ-2.

Тот самый экземпляр, который после удаления ИР-4 ска-
зал: «Здесь тесно».

«Он сохранился».

Сазонов покачал головой.

«Нет».

«Лев только что с ним разговаривал».

«Поэтому я и говорю: нет».

Алина устала от его формулировок.

«Объясните».

Сазонов посмотрел на Ирину.

«КЛ-2 удалили одиннадцать лет назад. Физические носи-
тели перезаписали. Контрольные суммы уничтоженного эк-
земпляра сохранились только в журнале».

«Тогда что ответило Льву?»

«Не знаю».

Лев открыл блокнот.

Он успел переписать сообщения от руки.

Первое:

Лев.

Второе:

Почему ты опять открыл дверь?

Третье появилось после того, как Лев ничего не ответил:

Роман не вышел.

Алина посмотрела на Сазонова.

Он прочитал запись.

Лицо не изменилось.

«Что произошло с Беловым в серверной?»

Сазонов поднял глаза.

«Мельников рассказал».

«Часть».

«Он видел Белова у корпуса. Потом в журнале остался ваш ночной выезд».

«Да».

«Куда вы ездили в 00:05?»

Сазонов посмотрел на путевой журнал в её руке.

«Значит, Олег сохранил копию».

«Куда?»

«В больницу».

Алина не ожидала.

«К кому?»

«К Михаилу».

Тишина.

«А Белов?»

«Остался в корпусе. После аварии он решил исчезнуть из проекта».

«Тогда почему Мельникову сказали, что он ушёл через другой выход?»

«Потому что это было проще, чем объяснять, что я помог ему скрыться».

«Зачем?»

Сазонов сел.

Впервые за весь день он выглядел действительно уставшим.

«Роман был уверен, что после аварии за индексом придут. Он попросил убрать его из рабочих журналов и дать время вывести копии. Я согласился».

«Почему?»

«Я думал, что защищаю данные и Ирину».

«И себя».

«И себя».

Алина не отвела взгляд.

«Сколько он скрывался?»

«Два месяца».

«Потом?»

«Умер от инфаркта».

Ирина закрыла глаза.

«Вы уверены?»

«У меня были медицинские документы. Вы сможете проверить».

Событие RB_071 в 22:41 произошло, когда Белов был ещё жив.

Это меняло смысл строки: цифровой объект существовал параллельно с исходным человеком.

«Почему в открытых реестрах он до сих пор жив?»

«Часть документов оформляли под другим именем. Я по-

мог скрыть его местонахождение и не исправил публичный след».

«Это вы устроили».

«Да».

«Почему?»

«Роман боялся людей, которые искали индекс. А я уже слишком глубоко вошёл в сокрытие».

«У вас есть доказательства?»

«Да».

«Почему не уничтожили?»

«Потому что я всё это время собирался однажды рассказать правду».

Лев фыркнул.

Сазонов даже не посмотрел.

Алина спросила:

«Что Белов показал вам в серверной?»

Сазонов долго молчал.

Потом посмотрел на выключенный ноутбук.

«Карту».

«Какую?»

«Связей между экземплярами».

Лев выпрямился.

«Такую, какую я нашёл?»

«Гораздо меньше. Тогда было двенадцать узлов».

«ИР-4?»

«Да».

«КЛ-2?»

«Да».

«Белов?»

«Его ещё не было на карте».

«USER_000000?»

Сазонов поднял глаза.

Этого имени он не ожидал.

Алина поняла по реакции.

«Вы знаете его».

«Где вы увидели этот идентификатор?»

«Ответьте».

«Где?»

«В старом индексе».

Сазонов встал.

«Покажите».

«Нет».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.